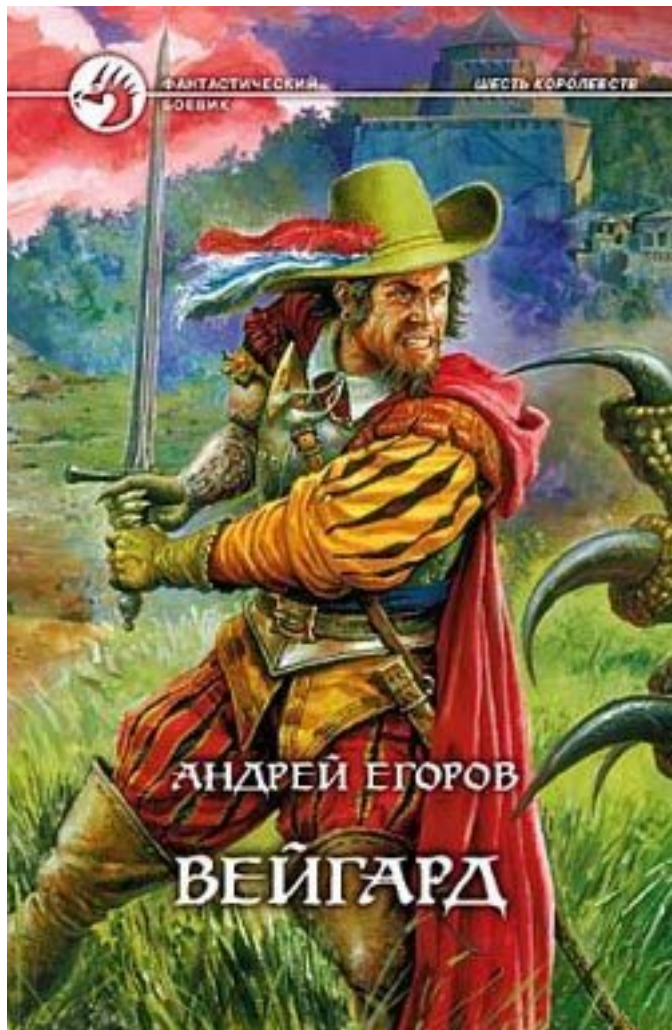

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ШЕСТЬ КОРОЛЕСТВ

АНДРЕЙ ЕГОРОВ

ВЕЙГАРД

Андрей Игоревич Егоров

Вейгард

Серия «Шесть королевств», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132479

Вейгард: Армада; Москва; 2004

ISBN 5-93556-346-0

Аннотация

Быть королем Стерпора, править верой и правдой, пользоваться любовью своих подданных... и в одно мгновение лишиться всего! Теперь Дарт Вейнэт пленник Нижних Пределов. Его преследуют адские создания, по его стопам идет скелетное охранение, и даже собственный мозг отказывается ему повиноваться. Пройдя все круги ада, Дарт возвращается во Внешний мир, но цену этого возвращения ему еще предстоит осознать – придется отдать темным силам свою пока не существующую дочь. А новая война, война с черным колдовством, уже начинается...

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
* * *	11
ГЛАВА ПЕРВАЯ	14
ГЛАВА ВТОРАЯ	44
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	92
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	123
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Андрей Егоров

Вейгард

Автор со всей ответственностью заявляет, что во время написания этой книги не пострадал ни один демон или злой дух.

Любое сходство с реальными людьми, а также реальные исторические параллели, прослеживающиеся в романе, являются намеренными и могут расцениваться как провокация.

Если прежние произведения Данте Алигьери несли в себе общий настрой лиризма и искрометного юмора, то эта так называемая «божественная комедия» с ее мрачными апокалипсическими картинками и красочными изображениями ада окончательно утвердила меня в мысли, что автор одержим потусторонними силами – требуется принудительное цензурирование, а возможно, и проведение обряда экзорцизма.

Известный итальянский критик Григорий Боттичелли о «Божественной комедии» Данте Алигьери

Эта книга посвящается моей жене и теще.

*Описанный мною ад – ничто в сравнении с тем адом, который вы мне устроили, злые твари.
Эммануил Сведенборг. Эпиграф к седьмому изданию*

ПРЕДИСЛОВИЕ

(Краткое и поучительное содержание романа «Стерпор»)

Было это в те времена, когда король Белирии Бенедикт Вейньет после несчастного случая на охоте собрался покинуть этот грешный и несовершенный мир. Что было для него в общем-то несколько рановато. К простым старческим радостям, таким, как артрит, радикулит, миозит, тягостная подагра и успокоительный маразм, он приобщиться не успел – здоровье у короля было самое что ни на есть отменное. Все без исключения граждане единой Белирии знали, что владыка их крепок и полон сил, и даже все зубы (за исключением одного – переднего) у него имеются в наличии. Когда король улыбался, окружение его начинало испытывать серьезное беспокойство – таким широким и хищным выходил оскал королевского рта. Мясо Бенедикт Вейньет жевал смачно до крайности – работая могучими челюстями, отрывал большие жилистые куски, твердые кости он не выплевывал, как иные миновавшие зрелость граждане, а решительно разгрызал – и кости хрустели, ломаясь на его крепких белых резцах.

Но смерть, не обращая внимания на такие неважные частности, как отменная зубастость и здоровье, взяла да и заявила за властителем Белирии. Переминаясь с ноги на ногу, стояла она в углу опочивальни, где умирал король, нетерпеливо ожидая, когда он наконец перестанет дышать. Бенедикт же все медлил и медлил с последним вздохом, раздражая своим упорством старуху до невозможности: прежде чем отправиться в страну теней, он решил «справедливо» поделить шесть герцогств, составлявших славу и оплот единой Белирии, между семью своими сыновьями.

Как известно, шесть на семь делится только с остатком (0,8571428571428571428). К столь сложной арифметической операции король Бенедикт, говоря откровенно, был совершенно не подготовлен. Науки он презирал страстно, а если ему что-то приходилось посчитать и пальцев на руках и ногах не хватало, монарх начинал испытывать лютую ярость.

Несмотря на то что задача ему предстояла в высшей степени непростая, король справился с ней быстро, не прилагая непомерных умственных усилий. А все потому, что уже давным-давно решил для себя, как ему поступить в столь щекотливой ситуации.

Бенедикт призвал к смертному одру своего любимого сына – Дарта, которому в ту пору едва сравнялось двадцать пять, и, когда тот, не чуя беды, явился на зов умирающего отца, сказал ему: «Дарт, ты, без сомнения, мой самый любимый сын... Во всех дисциплинах ты преуспел более сво-

их братьев, ты умнее, сильнее, светлее, лучше их, а потому я уверен, – тут он грустно, со скрытой скорбью вздохнул, – что ты о себе сможешь позаботиться. Они же – нет! Им я оставляю в наследство герцогства, которые после моей смерти станут королевствами... Северное королевство Дагадор для старшего – упрямого Дартруга, продуваемый ветрами Вейгард – инициативному Виллу, трусливый Преол получит плодородный Гадсмит, глупый Алкес – грязный Стерпор, красочный Невилл достанется Люверу, а Центральное королевство, наш дом и наш оплот, я планирую отдать Фаиру; бедняжка, он самый неустроенный в жизни, да он – просто сумасшедший. Без владения обширными землями и большим количеством людей он непременно пропадет. Ты же, Дарт, получаешь от меня самое ценное – мудрый совет: не теряй времени даром – и возьмешь от жизни больше, чем они унаследуют».

Решение отца оказалось для юного принца полной неожиданностью. С самого детства он видел себя избранником богов, вершителем народных судеб, помазанником божьим, властителем дум, диктатором собственной воли, короче говоря – королем. Иная судьба не являлась ему даже в страшных снах. И вдруг мрачная действительность разом обрушилась на него с последней волей отца!..

После долгих мытарств, побывав некоторое время прихлебателем при дворе своих в высшей степени ненормальных братьев, бездельником, любителем светлого эля, распут-

ных женщин и даже главарем шайки разбойников, Дарт Вейньет в конце концов решает взять то, что полагалось ему по праву рождения, – и стать королем Белирии. Стоит заметить, что это жесткое решение было продиктовано отнюдь не непомерной алчностью и яростным честолюбием молодого принца, а исключительно злой волей его родных братьев. Они решили во что бы то ни стало извести Дарта Лишенного Наследства (так прозвали нашего героя в народе), потому что не на шутку опасались, что Дарт Вейньет заберет их земли. Братья почему-то считали его совершенно безумным (что за дикая мысль!) и одержимым идеей объединить королевства в единую Белирию.

На мысль, что Дарт Вейньет помышляет о возвышении и власти, братьев навело пророчество Оракула. Впрочем, лично этого самого Оракула никто и никогда не слышал (да и не видел, если уж говорить совсем откровенно), но слухи о том, что Оракул-де что-то там такое сболтнул, быстрыми змеями расползаются по Белирии. Слухи слишком настойчивы и ядовиты, чтобы их игнорировать.

Отправившись в Стерпор, где он надеялся заручиться поддержкой брата Алкеса, Дарт знакомится с туповатым добродушным Каром Варнаном (великан мечтает стать королевским стражем) и вечно путающим заклинания престарелым колдуном Ламасом, помышляющим в то время только о том, чтобы помыться и что-нибудь скушать. Вместе они составляют ту силу, которая будоражит общественное мне-

ние и заставляет негодовать короля Алкеса, ведь в королевстве все громче звучат голоса: Лишенный Наследства явился в Стерпор для того, чтобы совершить переворот и взять власть над страной в свои руки.

После нескольких вероломных покушений на его жизнь и похищения возлюбленной по имени Рошель де Зева Дарт Вейньет начинает выходить из себя и помышлять о расправе над братьями. Он и его спутники предпринимают опасное путешествие на юг. Здесь происходит формирование мятежной армии Дарта Вейньета. Тысячи людей выказывают желание присоединиться к Лишенному Наследства. Сила Дарта Вейньета растет день ото дня.

После разгрома войск Вилла (он единственный из братьев решил прийти на помощь Алкесу) армия Дарта Вейньета отправляется на северные рубежи Стерпора и осаждает столицу. В результате кровопролитных боев город взят. Во время схватки Алкес падает с балкона королевского замка и разбивается насмерть. Дарт Вейньет становится полновластным правителем Стерпора.

Казалось бы, он добился желаемого – надел корону, но насладиться достигнутым ему не суждено. «Покой нам только снится, проснешься – испарится!» – как писал придворный поэт Андерий Стишеплет. Едва дела в государстве начинают налаживаться, Дарта Вейньета похищают присланные Заклинателем – помощником его черного брата Фаира, демоны. Они утаскивают свежее испеченного короля Стерпора

печься дальше – в самое огненное пекло – Нижние Пределы.

Здесь он вступает в короткий поединок с Кевларом Чернокнижником – помощником Заклинателя и служителем всемирного зла. Поединок заканчивается для Дарта Вейньета плачевно – он становится калекой, лишается правой руки и левого глаза. Теперь его участь – до скончания веков пребывать во тьме, без надежды на возвращение во Внешний мир...

*Ты враг мне,
брат мой старший.
Объединились злом
вы все. Огнем окрашен
закат. Но королем
я стану, пусть страданья
на мой народ сошли,
и адские созданья
все рвутся из земли...
Здесь ныне мрак крошечный,
и нечисть скалит рты.
Но кто погибнет прежде
в бою – я или ты?*

Нет ничего страшнее, чем оказаться там, внизу, где призраки людей томятся, вечно истязаемые, переживая снова и снова самые отвратительные подробности своего земного бытия, на муки нестерпимые обреченные и мучимые до тех пор, пока разум и бесплотный дух не разъединятся в них окончательно и не растворятся они сами в бесконечном пространстве тысячей бесполезных, лишенных духовной плоти монад.

Там, внизу, демоны с глазами лютыми и безобразными терзают грешников целую вечность, а черные колдуны – нелюди бродят вокруг, раздавая

им приказания... И никому не уцелеть, ибо нет ничего страшнее и могущественнее, чем силы зла в естественной своей среде. Сама атмосфера дает им энергию и наделяет немислимой мощью слуг своих.

Силу, равную этой мощи, можно отыскать лишь у Спасителя – Севы Стиана, да еще у магистров Радужного спектра. Но каждый, кто видел их, давно почил, оставив нам лишь разрозненные свидетельства существования этих необыкновенных сиятельных волшебников – создателей нашего мира и их зловещего Черного брата – создателя Нижних Пределов...

О боже, я слышу чьи-то шаги, кажется, кто-то пришел за мной. Ах нет, это всего лишь сестра Аглая, снова явилась на ежедневную исповедь. Милая, милая Аглая, и почему я так люблю ее исповедовать с восьми вечера и до четырех утра? У нее всегда есть что сказать, глаза ее наполняются слезами, когда она говорит о своих новых грехах и греховных мыслях.

Признаться, я уже так пристрастился к этим длинным, исполненным подлинного чувства исповедам, что даже пропустил субботнее чаепитие у одной из моих лучших прихожанок. Боже, если бы вы только знали, как она была раздосадована... Даже назвала меня жуком навозным. А какой же я, помилуйте, навозный жук?! Совсем никакой я ей не жук! Я же служитель священной анданской церкви! Почтенный человек! Разумеется, я не преминул ей, между прочим, заметить, что сама она порой напоминает мне тушенный окорок с круглыми

маленькими глазками, похожими на кусочки мутных стеклышек. И заметьте, как мягко я сформулировал, – не глазами, сказал, а ласково так – глазками. И все равно глупая баба пришла в сильнейшее расстройство и негодование, выставила меня за порог и велела больше к ней не являться.

То ли дело сестра Аглая. Спокойная, ласковая и рассудительная, слушать о ее греховных мыслях – одно удо-воль-ствие...

Из записок представителя анданской церкви святого отца Вивьена Сластолюбца Премногораскаявиегося

ГЛАВА ПЕРВАЯ

**В ней совсем мало рассказывается
о Нижних Пределах, зато
подробно исследуется
вопрос, может ли пленник,
обладающий могучей силой
воли и развитым интеллектом,
обрести свободу и независимость
от темных и до чрезвычайности
тупых тюремщиков**

Дикий вопль демонического пса прервал покой моих тюремщиков. Они в волнении кинулись туда, где происходило нечто странное. И, конечно, не без моего участия.

– Ты что это?! – взревел один из них, увидев, что я делаю. – А ну-капусти его!..

– Ага, счас, уже отпустил! – расхохотался я ему в морду, продолжая тянуть длинный хвост на себя, крепкие позвонки в моих руках заскрипели, и мне показалось, что хвост вот-вот оборвется, а я кубарем покачусь по песку.

Демон расплющил гнусную морду о решетку и потянулся ко мне здоровенной когтистой пятерней:

– Я тебя достану, человечек!

– На-ка выкуси! – гаркнул я и метко плюнул, угодив ему точно в левый глаз.

– Ах, ты плеваться! – взревел демон. – Ну погоди же! Ну я тебя сейчас!..

Он заметался вдоль клетки, не зная, что предпринять...

Но не будем забегать вперед. До всех этих событий было еще довольно далеко, а пока я был не столь решителен, говоря откровенно, я попросту бездействовал – в черной тоске, искалеченный и подавленный, я сидел за железной решеткой и прислушивался к шипящим нотам знакомого голоса.

Там, во тьме, Заклинатель вкрадчиво выдыхал округлые фразы. Я припал к решетке, вглядываясь во мрак, в очертания высокой, сутулой фигуры. Облаченный в длинную мантию злодей грозил узловатым пальцем кроваво-красным демонам – тюремщикам и бормотал едва слышно, старался отъявленный мерзавец, чтобы до меня доносились не слова, а только обрывки фраз. Интонации голоса были самые зловещие, змеиные интонации...

Впрочем, за время пребывания в Нижних Пределах к вещам, которые могли бы у любого нормального человека вызвать ужас и даже умопомешательство, я успел порядком привыкнуть. Меня уже не пугали шагавшие из глиняных

стен бестелесные призраки с искаженными страданием прозрачными лицами; я не обращал ровным счетом никакого внимания на странные, шелестящие звуки (иногда ими наполнялось все вокруг); и даже фантомы, собиравшиеся из террактового песка в знаки беды, казались мне только частью измученного длительной неволей воображения. Все вокруг было злом, все говорило о моей скорой гибели, все внушало скорбь и содрогание.

Моя жизнь здесь, в Нижних Пределах, не стоила и гроша. Единственный, на кого я мог надеяться, кто мог спасти меня и вытащить отсюда, – я сам. «Если у меня хватит воли и жизненных сил – я выдержу, я непременно вырвусь из клетки...» Раз за разом я повторял эти слова, часто не замечая, что говорю вслух. Я старался заглушить шелестящий, парализующий голос Заклинателя. И, к моему удивлению, у меня получалось. Пока получалось...

Заклинатель кривился, он жевал зеленовато-коричневую массу, время от времени сплевывая ее в песок. Демоны тянулись перед ним во фронт, а бледно-розовый пес Гырга, высунув пупырчатый язык, лежал неподалеку и тихонько скулил от страха перед неведомой темной силой. Я заметил, как под ним растекается и тает в песке желтая лужа, но пошевелиться, чтобы перейти на сухое место, Гырга не отваживался. Мне стало жаль тупое создание – из всех, кого я видел здесь, под землей, Гырга представлялся мне самой безобид-

ной тварью. Размеров пес был огромных: каждая из массивных лап шириной могла сравниться с бронзовыми подсвечниками из королевского дворца в Мэндоме, а голова его – плоская и большая – составляла по меньшей мере два лица начальника королевской стражи Кара Варнана.

Уточнение для тех, кто не знает Варнана, – лицо у него совсем не маленькое. Скорее даже наоборот. Однажды он засунул голову в окошко кухни, чтобы посмотреть, что там придворные повара готовят вкусенького на обед, а вытащить обратно уже не смог. Пришлось срочно вызывать мастеров и расширять окошко, чтобы он мог освободить бестолковую голову и впоследствии беспрепятственно интересоваться вопросами королевской кулинарии в любое время дня и ночи...

– Дети света! – выругался Заклинатель. – От вас нет никакого проку, какого бога вы делаете! Опять вы вместо того, чтобы заниматься делом...

Тут он осекся, обернулся ко мне, снова сплюнул в песок зеленовато-коричневую массу, поумерил гнев и перешел на шепот...

Заклинатель часто сердился на нерадивых подчиненных: демоны столь безответственно относились к службе, что ему приходилось держать их под постоянным надзором. Надо думать, подобное положение вещей его сильно раздражало.

– А между тем, – рычал иногда Заклинатель, – у меня и без вас дел хватает, недоумки вы боковы... Взять бы вас за

загривки, да закинуть на небеса, уж там-то ангелы повышибали бы из вас тупость... Вы даже представить не можете, что они сделали бы там с такими, как вы...

Демоны в страхе жались друг к дружке, представляя себе жутчайшие картины небесной кары.

Заклинатель появлялся в Нижних Пределах в самые неожиданные моменты – когда демоны храпели, привалившись к стене, весело гоготали, хлопая друг дружку по лысинам между рогов, играли в азартные игры или распевали кабацкие песни, накачавшись под завязку светлым элем.

Однажды он возник в тот момент, когда оба стояли на головах, поспорив, кто дольше продержится. Гырга бегал кругами рядом с вытянувшимися к потолку красными фигурами и радостно хрюкал – думал, наверное, что это какая-то веселая игра, затеянная ради него одного. А между тем соревнование явно затянулось и перестало быть забавным даже для его участников. Головы демонов к тому времени, как появился их хозяин, приобрели уже отчетливо малиновый оттенок, и неизвестно, чем бы все закончилось (азарт был очень силен в детях тьмы), если бы Заклинатель не ухватил своих подопечных за толстые ноги и не швырнул на песок, прорывчав в ярости страшное оккультное ругательство...

Я испытывал что-то похожее на радость, наблюдая, как колдун наказывает демонов. Это было низкое чувство – счастье жалкого узника, но я не мог отказать себе в удовольствии.

ствии понаблюдать за экзекуцией.

Обычно Заклинатель просто бил демонов: засучивал рукава, сжимал кулаки и начинал их зверски мутузить. При этом пользовался он не только руками, но и ногами – отвешивал моим тюремщикам пинки, старался побольнее попасть коленом в красные, выдающиеся животы, метил по глупым большим головам. Демоны мычали от боли и бегали от Заклинателя кругами. Каждый из них мог запросто пришибить черного человечка одним взмахом пудового кулака, но они слишком боялись своего хозяина, чтобы хоть что-нибудь предпринять. В конце концов, будучи отчаянно избитыми, оба принимались молить о пощаде, падали на колени и рыдали, роняя на горячий песок дымящиеся крупные слезы. Но Заклинатель был неумолим, продолжая колотить их смертным боем...

Вот и сейчас он снова принялся отчитывать демонов, и я замер в предвкушении, что им вот-вот достанется на орехи, от волнения я даже стал прищелкивать языком...

Одного тюремщика звали Рурк, у него была удивительно глупая морда, на которой желтыми огоньками посверкивали маленькие лютые глазки. Второго Заклинатель называл Смугой. Этот был немного смышленнее своего товарища, поэтому тумакон и затрещин ему доставалось значительно больше. Смугу Заклинатель загонял в угол и бил до тех пор, пока

не вышибал из него дух. Что само по себе было делом совсем непростым и занимало порой несколько часов.

А вы попробуйте-ка как-нибудь вызвать к себе домой демона и отлупить его до бессознательного состояния. Уверю вас, занятие это в высшей степени сложное и требует специальной подготовки. Организм демонических существ устроен таким образом, что заставить их растянуться бездыханными на полу не так-то просто.

Смута мычал и бился башкой о стену, чтобы мучения его поскорее закончились, но сознание никак не желало покидать крепкую голову. Наконец он получал особенно точный удар и вырубался – с блаженной улыбкой на красной морде бедняга погружался в спасительную бессознательность.

Потирая отбитые костяшки, Заклинатель сплевывал свой извечный наркотик и отправлялся к решетке. Главной причиной его явлений были вовсе не побои, а попытки проникнуть в мое сознание. Я видел, как его белое лицо медленно выплывает из сумрака и приближается, тень сползает со складок мантии и гнусная улыбка медленно растягивает тонкие губы...

Раньше за чертогами моей тюрьмы было намного светлее, но после того как я, воспользовавшись удобным случаем, умудрился стянуть у тюремщиков улетевшую в азарте игры к самой решетке карту, Заклинатель принял решение, что будет лучше, если здесь воцарится вечный сумрак. Впрочем, обеспечить полное отсутствие света ему так и не удалось –

время от времени та или иная стена разламывалась, и в яркую щель начинали сыпаться круглые шипящие угли, освещающая все вокруг ярким светом. К тому же сами демоны и их пес Гырга слегка светились в темноте, и с этим уж точно ничего нельзя было поделать. Да и мой единственный глаз успел порядком приспособиться к постоянному сумраку, так что теперь от меня не ускользало ни одно движение в узком пространстве темницы и прилегающей к ней пещеры, где вместе со мной проводили все свое время два тупоголовых демона и их безмозглый, огромный пес...

Наш придворный философ, Джабба Умник, помнится, говорил, что если жизнь лишит счастья, радости и удачи, то в ней останется один лишь здравый смысл. Осознание этого смысла и стало для меня единственным подспорьем в темные времена неволи. Однорукий и одноглазый калека, узник Нижних Пределов, я круглые сутки занимался тем, что размышлял о собственном предназначении в этой жизни, отводя себе, несмотря на свое жалкое нынешнее положение, ведущую роль в судьбах Белирии и всего мира, и одновременно внимательно наблюдал за тюремщиками.

Они частенько придумывали себе дурацкие забавы – вроде уже описанного мною стояния на голове или игры в карты и кости. После завершения очередной партии демоны, по обыкновению, ссорились и лупили друг дружку по плоским мордам увесистыми кулаками. Так что даже в отсутствие грозного Заклинателя Рурк и Смуга бывали сильно избиты –

Бедолаги отчаянно кряхтели, меня во сне положение уродливых тел. Бесконечное кряхтение и храп сначала доставляли мне изрядное беспокойство, но потом я привык и стал спать, как человек, который не пользуется совестью. Как известно, если совестью не пользуешься, она чиста. А с чистой совестью спится весьма неплохо, даже в Нижних Пределах, даже под храп и кряхтение демонов. Опасался я только одного – что какая-нибудь из стен разойдется трещиной, и прямо на меня посыплются раскаленные угли. К счастью, несмотря на мои пессимистические ожидания, этого так и не случилось.

Особую прелесть составляли разговоры демонов – сначала меня колотило от ужаса, когда я слышал, о чем они говорят, а потом стало трясти от смеха, потому что дальше слов дело никогда не шло. Тема обычно поднималась одна и та же: сколько мне осталось жить и как бы поскорее от меня избавиться. Я был для них чудовищной обузой, и меня это несказанно радовало. Я злорадно скалился сквозь решетку, когда слышал, что они опять завели старую песню.

– Эй, Смуга, как ты думаешь, после того, как этот сдохнет, нас куда отправят? – спрашивал Рурк, он уже успевал забыть, что они обсуждали это буквально на днях.

Впрочем, на днях ли? Я потерял счет времени.

– Не знаю даже. Хозяин что-нибудь придумает, – отвечал Смуга с такой тоской, что становилось ясно: демоны – братия подневольная, подчиняться черным колдунам – их из-

вечное предназначение. И хотя их, похоже, не на шутку тяготила подобная участь, быть в этой жизни кем-то еще они бесконечно боялись.

Такая слабость не могла вызвать во мне ничего, кроме презрения. Глядя на них сквозь решетку, я рассуждал о мрачном несовершенстве мира. Где справедливость, спрашиваю я вас, если достойных дозволено охранять недостойным? Где высший порядок, если парочка до крайности темных и тупых тюремщиков стоит на страже, охраняя несвободу узника, наделенного могучей силой воли и развитым интеллектом? Есть в этом какая-то вопиющая несправедливость, вам не кажется?

Происходящее все сильнее терзало мое гордое сердце и заставляло разум снова и снова просчитывать планы освобождения.

– Может, там, в другом месте, повеселее будет, а, ты как думаешь? – говорил Рурк.

– Может, и повеселее... – соглашался Смуга, потирая ушибленный живот, куда недавно угодил кулак Заклинателя, – а может, и нет...

– Так, может, нам его самим... того... кончить, а, Смуга?

– Да ты чего?! – пугался Смуга. – Гляди, как бы тебя хозяин не услышал, а то нам еще достанется, чего доброго...

– Хозяин, хозяин, – ворчал Рурк, – больно он с нами жестко что-то, как ты думаешь, а?

– Жестковато, – соглашался Смуга и, кряхтя, переворачи-

вался на другой бок.

После разговора демоны обычно замолкали и засыпали, утомленные слишком длинным общением. Как и большинство наделенных слабым интеллектом существ, говорили они мало. И думали, наверное, тоже. Больше всего демонов в этой жизни прельщали азартные игры и светлый эль.

Алкоголь и еду доставлял в пещеру горбатый карлик с тачкой, наполненной разнообразной снедью и пузатыми бочонками. Он появлялся раз в неделю и всякий раз разглядывал меня с таким интересом, словно я – диковинное животное в адском зверинце. Собственно, для него я, наверное, и был диковинным животным. Руки у карлика были настолько длинными, что ему приходилось волочить их по земле, а нос выдавался так далеко вперед, что в сторону он мог смотреть только одним глазом – другой видел костистый профиль выдающегося шнобеля.

Поначалу я тоже заинтересовался карликом – мне казалось, что, возможно, с его помощью я как-нибудь смогу выбраться из Нижних Пределов, но потом убедился, что он настолько туп, что даже говорить связно не умеет, и я совершенно потерял интерес к его еженедельным визитам. Постепенно я начал терять интерес ко всему...

Страшнее всего в моем заключении были вовсе не разговоры демонов и даже не визиты Заклинателя с его упорными попытками проникнуть в мой разум, а дикое однообразие и тоска. Дни тянулись один за другим в абсолютном безвре-

меньше Нижних Пределов. Я даже не знал, дни ли тянулись или столетия, и сколько на самом деле прошло времени с тех пор, как я оказался здесь, – неделя, несколько месяцев, лет, а может быть – целые века. Я просто сидел на горячем песке и смотрел, как демоны мутузят друг друга, играют в азартные игры или спят, издавая яростный храп, и ощущал, что уже почти сошел с ума от этой тягостной, утомительной неволи...

Заклинатель продолжал монотонно бормотать из глубин темной пещеры. Я посвистел, призывая демонического пса, но Гырга сейчас не обращал на меня никакого внимания, он отполз подальше от страшного человека и с увлечением глодал в углу пещеры крупную берцовую кость, похожую на человеческую.

«Гнусная все же тварь, – подумал я, – ох и гнусная».

Голос неожиданно смолк, и в тот же миг я заметил, что к решетке, утопая в песке, бредет высокая фигура в длинной темной мантии...

По обыкновению, являясь в мрачные чертоги Нижних Пределов из верхнего мира, где царил свет и творились великие дела, Заклинатель присаживался возле решетки на невысокий табурет и демонстративно зажимал пальцами нос. Так выглядела обычная прелюдия к нашей «беседе».

Потом он говорил, говорил, говорил... Голос его, пона-

чалу тихий, постепенно заполнял все вокруг и начинал звучать громогласно, словно был и не голосом вовсе, а раскатами грома. Я чувствовал, что наши разговоры – часть ритуала, призванного меня разрушить. Я знал, что темный человек пришел с тем, чтобы проникнуть в мое сознание и завладеть им. И я сопротивлялся, как мог. И у меня были силы, чтобы противостоять ему. Не знаю, откуда они брались в моем искалеченном, исхудавшем теле, но они все еще были...

– Ваше величество? – саркастично вопрошал Заклинатель. – Ах да, это действительно вы, но вас-с не узнать, вы только пос-смотрите, в кого вы превратились, ваше величество. Это же прос-сто омерзительно. Ваша зарос-шая черным волос-сом, располос-сованная Кевларом одноглазая морда – она вызывает у меня отвращение. Да она у вс-сех вызовет отвращение. Не хотел бы я выглядеть так. Уж лучше умереть, ваше величество. Вы об этом не думали?

– Ничего, – отвечал я, – шрамы украшают мужчин и укрощают женщин.

Каждый раз я придумывал для него что-нибудь новенькое. И всегда мои шутки отзывались в нем лютой злобой, он вскакивал в ярости, выкрикивая ругательства на незнакомом грубом языке, взгляд его становился холоден и колюч, глаза метали молнии. Для колдуна он был слишком вспыльчив. О чем я непременно ему сообщал.

– Что-то с нервами у тебя не в порядке, дружок, я бы на твоём месте поостерегся. В следующий раз, если ты вот так

выйдешь из себя, тебя непременно хватит удар, и мне не с кем больше будет общаться.

подавив очередную вспышку гнева, Заклинатель сажился на табурет и продолжал вести со мной разрушительный диалог, возвращаясь к своим обыкновенным спокойным и насмешливым интонациям. Он говорил и говорил до тех пор, пока не доводил меня до иступления. Он заклинал меня змеиным голосом, вторгался в мой разум, искажал его, трансформировал, а когда уходил, я все еще слышал, как его слова проникают в меня, гремящим колоколом звучат в голове и рвут на части душу. «Я – омерзителен, я – жалок, я – никто»...

Змеиные интонации голоса напоминали мне брата Фаира, он тоже не говорил, а выдыхал слова, проникновенно и страстно, словно вместе со словами из его горла выходил яд, способный отравить собеседника. Эта странная общность их речи натолкнула меня на некоторые мысли, что развитие моего темного братца в сторону оккультных наук и черной магии скорее всего – заслуга Заклинателя. А не проник ли он в мозг юного Фаира, как сейчас старается проникнуть в мой?..

Заклинатель дурманил, заставлял меня поверить в свою никчемность, глупость, бесполезность, бессилие, и в то же время он всегда давал шанс, указывал на то, что спасение близко, достаточно протянуть руку, соединиться с силой, равной которой нет в мире. Он умело отравлял разум, тяготил душу, мучил и ломал меня...

И все же я держался. Отчаяние не могло завладеть мною полностью, потому что я видел в жизни смысл, у меня было мое предназначение... Отец хотел, чтобы я стал королем Белирии, его предсмертная воля диктовала мне: объединить королевства в одно. Белирия станет единым государством, и я буду ее королем во что бы то ни стало. Я выберусь на поверхность и поведу войска на Вейгард. Я пойду войной на Вилла, Преола, на Лювера, на Дартруга и конечно же на Фаира. Я сброшу их всех с престолов одного за другим за то, что они хотели уничтожить меня, и даже весьма преуспели на этом пути. За все, что они сотворили со мной, они должны быть наказаны. Месть моя будет страшной.

– Прос-снись к новой, примкни к нам, – громоподобно ревел Заклинатель, – ты должен быть с-сильнее вс-сех, и ты станешь с-сильнее, ты знаешь, на чьей стороне с-сила. Ты жалок сейчас, но мы тебе поможем. Мы с-сделаем тебя властителем мира...

Сжимая зубы до боли в челюстях, я снова проговаривал спасительные слова: «Если у меня хватит воли и жизненных сил – я выдержу, я непременно вырвусь из клетки...»

Я знал теперь, кто мой главный враг. Его лицо было у меня перед глазами, его голос проникал мне прямо в душу, но не мог заставить меня свернуть с намеченного пути.

Со времени нашей последней встречи помощник Фаира значительно раздался в плечах и помолодел. В те времена, когда я знал его в Центральном королевстве, он был совсем

стариком – лет семьдесят от роду, седовласый и согбенный годами, с лицом, изборожденным сетью морщин. Любой, кто видел Заклинателя тогда, мог бы подтвердить, что он производил впечатление человека, прожившего долгую, полную лишений и страданий жизнь. Впрочем, люди все равно боялись его, несмотря на преклонные лета. Теперь же возраст его был неопределенным. На первый взгляд он казался совсем юным, но, если приглядеться – в глазах его можно было различить многолетнюю усталость, а возле рта иногда проступали предательские складки. Едва возникнув, вестники старости затем медленно растворялись, словно в теле Заклинателя бродили магические элементы, уничтожая любые проявления прожитых лет...

Темный человек знал, что его речи задевают меня до глубины души. По привычке я начинал подергивать серебряную серьгу. Как правило, я делал это перед тем, как прикончить кого-нибудь, или же после того, но, увы, сейчас дальше этих жалких подергиваний дело не шло, ведь я был безоружен, слаб, к тому же меня отделяла от Заклинателя железная решетка...

Он же ощущал себя рядом со мной – одноруким и одноглазым калекой – настоящим победителем, он торжествовал, ведь упечь меня сюда, низвергнуть в Нижние Пределы было воплощением его дьявольского замысла. Теперь я был в этом уверен как никогда. Он все говорил и говорил, слова его обладали особой интонацией, словно он хотел донести до меня

одну только мысль: «Я – ничтожество. Я больше ничего не стою в этой жизни. Я больше никогда не вернусь в мир людей. Я – калека. Я должен смириться со своей скорбной участью и отдаться во власть отчаяния... А затем переродиться, перейти на его сторону. Ведь я нужен ему в услужении».

В конце концов я терял силы, я был измотан этой борьбой, я падал на горячий песок, закрывал обращенное к нему ухо уцелевшей рукой, и слезы лились из моего глаза, а пустая глазница увлажнялась. Добившись желаемого результата, Заклинатель поднимался с табурета, его молодые тонкие губы растягивала зловещая усмешка.

– До следующего раза, Дарт Вейньет, – говорил он и отворачивался, ему казалось, что он уже победил, что моя воля сломлена, что я окончательно поработен.

Но тут я находил в себе силы, собирал все, что у меня оставалось. Шатаясь из стороны в сторону от невыносимых душевных мук, цепляясь за прутья решетки, я поднимался и заводил ему вслед свою обычную молитву. Признаюсь, я никогда не отличался особенной религиозностью, но, оказавшись в Нижних Пределах, вдруг почувствовал, что придуманная мною молитва – именно то, что мне нужно, чтобы поддержать во мне необоримый дух.

– Святой Сева Стиан! Смерти прошу у тебя! Не откажи мне, Спаситель, ведь не для себя прошу. Для человека, которого все знают под именем Заклинатель.

– А-а-а, ты опять! – кричал мой мучитель в ответ на новое

проявление титанической королевской воли.

Запахнувшись в мантию, он убежал прочь, выкрикивая проклятия, не в силах скрыть лютой злобы, вызванной моим упорным нежеланием сдаваться на милость победителя.

– Для колдуна ты слишком вспыльчив! – орал я ему вслед.

Отъявленный мерзавец забыл, что имеет дело с потомственным принцем дома Вейньет, с королем Стерпора! Никакая сила не сможет сломить меня! С самого детства я был уверен в одном: меня нельзя победить – меня можно только убить! Пусть Заклинатель старательно подавлял мою решительность, пытался проникнуть в мой разум и завладеть им, но он явно недооценивал то, что в моих жилах течет кровь дома Вейньет, что я – истинный король. Я был рожден королем! Если я смог сплотить целый народ и повести его на борьбу, значит, смогу противостоять и колдуну и выбраться из проклятых Нижних Пределов...

Несколько раз я пытался призвать норный народец, который так помог мне во время взятия столицы Стерпора. Но маленький рыжеволосый Лермон, назначенный мною наместником норного народца, то ли не слышал меня, то ли не желал являться на мой зов в Нижние Пределы. А скорее всего, он просто не мог объявиться на территории тьмы, где из проломов в стенах сыпались угли, ревело, рвалось наружу пламя, повсюду блуждали, вились в воздухе призраки давно умерших людей, и парили кошмарные серые духи разноплеменной нечисти, разбросав серые крылья... И все же, наде-

ясь на то, что произойдет чудо, я раз за разом тер черный кварц большим пальцем. «Может быть, для того чтобы призвать норный народец, нужно касаться кварца пальцем правой руки? – думал я, – но у меня ее больше нет. Как же я могу вызвать маленьких помощников, как я могу воспользоваться силой кольца?» В конце концов я оставил тщетные попытки связаться с Лермоном – в них не было и тени здравого смысла...

Когда отчаяние окончательно захватывало меня, я, выкрикивая самые грязные ругательства, кидался на решетку. – Чего орешь, как сквернословящий призрак? – говорил обычно Смуга, даже не поворачивая ко мне головы.

Сквернословящий призрак был легендой и своеобразной достопримечательностью Нижних Пределов. Иногда демоны упоминали о нем в разговоре. Судя по тому, что я смог заключить из этих упоминаний, он был единственной тенью, которой по неизвестной причине оказалась доступна вполне внятная речь. Он летал всюду в Нижних Пределах и яростно ругал всех, кто только попадался ему на пути. Мое отчаяние было столь велико, что иногда я мечтал о том, чтобы появился сквернословящий призрак и принялся поносить всех и вся, и даже меня, беспомощного перед силами тьмы, но из стен являлись только его бессловесные собратья – они разевали в беззвучном крике рты и уносились прочь. Некоторые из них выглядели совершенно растерянными, иные казались просто омерзительно жалкими – они лили серые сле-

зы и хлопали себя по щекам – правда, хлопков этих тоже не было слышно.

Кормили меня нечасто, омерзительной серой жижей, в которой плавали куски жирного мяса вперемешку с клоками бурой шерсти. Поначалу я испытывал острые приступы тошноты, поглощая это варево, приготовленное из неизвестных мне существ (может быть, они даже были не животными, а какими-нибудь человекоподобными тварями), но потом убедил себя в том, что нет никакой разницы, чем набивать желудок, ведь главная моя задача – выжить. Я нашел в себе мужество съесть все без остатка. Я должен был поддерживать силы, чтобы не упустить подходящий случай, и в нужную минуту, презрев опасность, принять бой. Я отжимался на левой руке от пола, качал пресс, делал упражнения на гибкость суставов, выворачивая конечности, пока они не начинали ныть от боли. Немало времени я уделял фехтовальному мастерству, сконцентрировавшись, разумеется, на упражнениях для левой руки. Раньше я работал левой, но не столь часто и куда менее успешно, чем правой. Мои физические упражнения укрепляли не только тело, но и дух. По крайней мере, я обрел уверенность, что, если мне в руки когда-нибудь попадет оружие, я смогу двигаться во время боя не менее проворно, чем раньше.

Демоны наблюдали за мной с неудовольствием и крутили пальцами у виска, время от времени похихатывая, – мол, непонятно, зачем этот живой труп тренируется, все равно

вскоре станет бесплотным духом. Я старался не обращать на их смешки никакого внимания и упорно шел к своей цели. «Мне известен смысл жизни... Мне известно мое предназначение...»

Когда красные лапы протягивали через решетку миску с похлебкой, Гырга вечно сшивался рядом, поскуливая от вожделения. Должно быть, нас с ним кормили одной и той же пищей – и ему омерзительная каша казалась лучшим блюдом из всех, что он когда-либо пробовал. Поначалу я не обращал на демонического пса никакого внимания. Пока я осторожно зачерпывал жижу куском прелой лепешки, он ронял в песок ядовитые слюни, шлепал себя длинным змеиным хвостом по бокам и жалостливо вращал красными навывкате глазами. Продолжалось все это довольно долго, пока в голове моей не зародился хитроумный замысел...

Я свистом подзвал Гыргу. Демонам не было до меня никакого дела, один из них храпел, подложив руки под голову, другой ковырял в зубах и громко рыгал. Недавно оба плотно пообедали и теперь чувствовали себя как нельзя лучше. Животы у них раздулись до немислимых размеров.

«И почему Заклинатель не появится прямо сейчас и не попинает немного мерзавцев?» – подумал я.

– Эй, Смуга, – гаркнул Рурк, – я не понял, ты чего, спишь, что ли...

Смуга махнул на товарища лапой и демонстративно перевернулся на другой бок.

Проклятый пес никак не хотел обратить на меня внимание.

– Гырга, – шепотом позвал я, – пойди-ка сюда, мерзкая тварюга.

Демоническое создание наконец услышало мой призыв, хрюкнуло и подбежало к самым прутьям. В миске еще осталось немного похлебки, и, когда я приблизил металлический край к решетке, длинный язык мгновенно вылизал миску, загреб остатки мяса и отвратительный мутный бульон в зловонную пасть. Пес с удовольствием заурчал и запрыгал по песку, довольный случайным угощением.

– Какой молодец, – сказал я, но погладить его не отважился – чего доброго, тыпнет за руку, а она у меня всего одна.

Гырга замер, немного подумал, вращая тупыми глазами, и решил проявить ко мне недоверие – заворчал и отправился к демонам. Похоже, я интересовал его только во время еды.

«Ну что ж, – подумал я, наблюдая, как он сворачивает длинный хвост вокруг шеи и устраивается возле Смуги, – начало положено. Я обязательно выберусь отсюда с твоей помощью, тупое адское животное»...

С тех пор я стал подкармливать Гыргу регулярно, и, хотя мне приходилось обделять себя, урезая и без того скудный рацион, вскоре я добился того, что Гырга, услышав мой свист, радостно бил хвостом по крепким бокам и бежал за угощением. Доверие его со временем зашло так далеко, что иногда он прислонялся к решетке, чтобы я почесал его уве-

систое пузо.

Рурк поначалу очень сердился на Гыргу и раз даже запустил в пса булыжником, но Смуга осадил его:

– Да пусть играет, чего тебе-то? Может, башку этому оттяпает как-нибудь...

– И то правда, – обрадовался Рурк и больше не мешал мне общаться с Гыргой, надеясь, наверное, что демонический пес осуществит его давние мечты...

Правда, как только появлялся Заклинатель, пес убежал подальше, забивался в самый дальний угол – он боялся страшного человека больше всего на свете. Глядя на Гыргу с явным отвращением, Заклинатель говорил демонам:

– Этот вам зачем? Выкиньте его.

– Да скучно без него совсем, хозяин, – оправдывался Смуга, – пусть останется, а? Нам хоть какое веселье.

– Ну ладно, только смотрите, чтобы он вас ночью не слопал, больно страшный пес, – довольный шуткой, Заклинатель хохотал, и демоны эхом вторили ему, счастливые тем, что сегодня хозяин, похоже, в хорошем расположении духа и не поколотит их...

– Видишь, Рурк, – говорил потом Смуга, – от этого пса нам одна только польза: он такой уродливый, тупой и трусливый, что хозяин сразу начинает нас ценить...

– Ага, – откликнулся Рурк, – ты – голова, Смуга. Как только ты можешь такие умные вещи выдумывать?!

– Погоди еще, – отвечал Смуга, – я еще не то придумаю,

я еще придумую, как нам отсюда выбраться...

Тут он прикладывал ладошку к пасти и в страхе озирался – не слышал ли его Заклинатель...

Некоторое время я мерил свою клетку шагами, тщательно запоминая расстояние, потом лежал на песке, щупая рукой крепления. Я наткнулся на шляпки массивных вколоченных в твердую глину и камень костылей. На магию не похоже. И все же это глина, а не камень, а значит, при желании костыли можно вывернуть. Я ощупал шляпку, стараясь схватиться за костыль.

– Эй ты, там! – прикрикнул на меня Рурк. – Чего делаешь?!

План мой с каждым днем казался мне все более и более несовершенным. Я совсем не был уверен, что он приведет к успеху, возможно, все пойдет совсем не так, как я себе рисую. Несмотря на сомнения, я тем не менее намеревался осуществить задуманное. Отчасти потому, что был совсем не уверен, что Заклинателю в ближайшее время не удастся завладеть моим разумом, отчасти потому, что совсем ничего не терял. Признаться, я очень хотел, чтобы мой разум остался при мне. Быть не в своем разуме мне как-то не улыбалось. Да и кому понравится быть не в своем разуме? Разве что какому-нибудь писателю, претендующему на оригинальность, или художнику, который хочет продать свои полотна подороже и потому делает вид, будто у него ум за разум заехал. Нет, мне расставание с разумом не подходит, положительно

план требовал осуществления в самое ближайшее время...

И это время наконец настало. Больше ждать я не мог, чувствуя, что если промедлю еще, то просто лишусь рассудка от самой мысли о том, что мне предстоит...

Сожрав новую порцию похлебки, Гырга издал счастливый рык, громко рыгнул, повернулся и потрусил прочь от решетки. Того, что может произойти, он явно не ожидал. Я же действовал продуманно и четко – ухватил его длинный хвост и, продев конец через решетку, затянул на одном из прутьев петлю. С моей единственной левой осуществить подобное достаточно быстро было не так просто, и все же я справился, потому что неоднократно просчитывал все движения, повторяя их раз за разом. Демонический пес с явным неудовольствием на глупой морде обернулся, и тут я почти повис на его хвосте, изо всех сил упираясь ногами в песок.

От резкой боли Гырга отчаянно взвизгнул, развернулся и клацнул зубами возле самой решетки. Я был для него недосягаем, продолжая затягивать на длинном хвосте тугой узел. Гырга оторопел и буквально сошел с ума от ярости, он ринулся на решетку, намереваясь сломать ее грудью, но не тут-то было. Пес издал дикий вой. Привлеченные им демоны в волнении вскочили на ноги и поспешили Гырге на подмогу.

– Эй, – ткнул в меня пальцем Рурк, – ты чего делаешь? А ну-ка пусти его...

– Ага, счас, уже отпустил, – расхохотался я ему в харю –

скорее от страха и возбуждения, а вовсе не для того, чтобы разозлить демона.

Глядя единственным глазом на перекосившиеся от изумления морды тюремщиков, я внезапно ощутил, как растворяются чары Заклинателя и укрепляется моя почти утраченная воля.

– Ты чего, а?! – Смуга расплющил гнусную морду о решетку и потянулся ко мне когтистой пятерней. – Я тебя достану, человек!

– На-ка выкуси, дружок! – Мой плевок угодил ему в левый глаз, и он взвыл, продолжая шарить лапой по клетке...

– Ах ты плеваться! – взревел Смуга. – Ну я тебе сейчас покажу!

Пальцы его долгое время хватали пустоту, потом он внезапно понял, что меня не достать, вцепился в хвост пса у самого основания и потянул его на себя...

Обезумевший от боли Гырга тут же тяпнул его за кривые пальцы, отчего Смуга бешено заорал и ударил пса кулаком по голове. Тот взвыл еще громче и куснул обидчика в живот. Через мгновение между псом и демоном затеялась настоящая драка. Движения Гырги были в значительной степени скованы привязанным к решетке хвостом, а потому действовал он недостаточно эффективно. Зато Смуга осыпал его ударами могучих кулаков – все больше попадало по голове и крепким бокам. Распаленный побоями и яростной болью в прищемленном хвосте, Гырга наконец взревел и рванулся

так, что закрепленная в камне решетка подалась, сверху посыпались куски горной породы.

– Эй! – предостерегающе крикнул Рурк, но было уже поздно.

Второй рывок пса выбил решетку, она врезалась в стоявшего рядом демона и опрокинула его на песок. Гырга стремительно помчался на Рурка, клацая челюстями, с которых лилась желтая пена. За псом летела решетка и бежал я, все еще сжимая завязанный в узел хвост.

Увидев, что пес впал в неистовство, Рурк испугался и вжался в стену. Гырга прыгнул и вцепился ему в горло с яростным рычанием. Я отшвырнул решетку и рванул в боковой проход. Хорошо хоть ноги мои были в порядке. Я несся вперед со всей возможной скоростью, ничего не различая вокруг.

Из Смуги решетка, похоже, напрочь вышибла дух, несмотря на его бронированное тело, а Рурк еще некоторое время будет занят борьбой со свихнувшимся от боли Гыргой. Позади раздавались яростный рык и бешеные крики покусанного Рурка. И все же следовало спешить. Я должен убежать достаточно далеко и найти убежище, где смогу укрыться от преследователей. Сердце мое колотилось возле самого горла и готово было выпрыгнуть из груди от переполнявшего мою душу восторга – я все-таки вырвался.

«Мой план воплотился в жизнь. Туки-тук-тук. Я – свободен. Туки-тук-тук. Я – настоящий гений. Туки-тук-тук. Те-

перь в этом не остается никаких сомнений. Туки-тук-тук. Генний, способный разрешить самую неразрешимую задачу».

В это мгновение впереди я услышал фальшивый свист и, не успев затормозить, налетел на тачку и толкавшего ее почти незаметного за горой разнообразной провизии карлика. При виде меня он охнул, издал протяжный вопль и припустил прочь по коридору, размахивая длинными руками, а я схватил с тачки краюху хлеба и кинулся в боковой проход.

Я бежал стремительно, кусал на ходу хлеб и кашлял от того, что крошки попадали не в то горло. Коридоры Нижних Пределов сплетались в причудливый лабиринт, я сворачивал то вправо, то влево и, должно быть, бегал по кругу, потому что вскоре снова столкнулся с карликом. Мы выбежали из противоположных коридоров и на ходу сшиблись. Карлик тут же в ужасе вскинул одну руку, сложил пальцы причудливым образом и, пробормотав что-то, осел в глубоком обмороке.

Все произошло настолько стремительно, что я не успел никак отреагировать на его магический жест. Да и что я мог сделать против колдовства? Песок под моими ногами вдруг стал осыпаться, я почувствовал, что теряю равновесие, отбросил краюху хлеба и через мгновение, предприняв попытку уцепиться за каменистый край и ободрив пальцы об острые камни, полетел в пропасть...

Я приступаю к мозговедческому лечению юного принца дома Вейньет, страдающего несомненным

маниакальным расстройством, – Дарта Вейньета. Что же делаю я? Я уверяю его, что, закрыв глаза, он увидит картины или вспомнит мысли, о которых он и должен мне рассказать. В его воспоминаниях образно всплывает последнее впечатление до его прихода ко мне. Он играл с герцогом Лютером в «избиение крестьян» и видит теперь перед собою их побитые скорбные лица. Потом видит вдруг кинжал – он принадлежит его отцу. Затем на доске появляется сначала серп, а за ним и коса; он видит старого крестьянина, который косит траву на лужайке перед их отдаленной усадьбой. Через несколько дней мне удалось разъяснить последовательность этих образов. Возбужденное состояние его объясняется неблагоприятными семейными условиями: жестокостью и вспыльчивостью отца, жившего не в ладах с женщинами и не знавшего никаких педагогических средств, кроме угроз; развод отца с доброй и ласковой матерью; вторая женитьба отца, который в один прекрасный день привел в дом молодую жену, «новую маму». Через несколько дней после этого и проявилась болезнь принца. В прозрачные намеки превратила эти образы подавленная злоба по отношению к отцу. Материалом послужили воспоминания из белирианской мифологии. Серпом Зевес кастрировал отца, коса и старик изображают Хроноса, могучего титана, который пожрал своих детей и которому так не по-сыновнему отомстил Зевес. Женитьба отца послужила для мальчика поводом

обратить на него те упреки и угрозы, которые он слышал от него (игра в «избиение крестьян»; вещи, которых делать не следует; кинжал, которым можно убить). Здесь в сознание проникают давно оттесненные воспоминания и их оставшиеся бессознательными слезы: они проскальзывают по обходным путям под маской мнимо бессмысленных образов. Одержимый маниакальной жадой власти и убийств тех, кто кажется ему «отъявленными мерзавцами», юный принц Дарт Вейньет считает себя абсолютно нормальным, а между тем личность его глубоко искажена. Я бы сказал, что он намного опаснее своих братьев, страдающих всего лишь различными степенями некоторых нервных расстройств...

*Подлинный отрывок из объемного, полного странных
сентенций труда младшего придворного доктора Зикмунда
Фрейда «Мозговедение принцев дома Вейньет», проливающего
свет на то, насколько он сам был тяжело болен*

ГЛАВА ВТОРАЯ

В ней много говорится об отъявленных мерзавцах, а также вспоминается прекрасная пора детства и не слишком прекрасная пора преступной юности

Пока я летел в пропасть, перед моим мысленным взором в одно мгновение пронеслась вся моя жизнь. Говорят, так бывает, когда находишься на краю гибели. Мысли твои вдруг растягиваются, словно какая-нибудь приторная восточная сладость – и прошлое предстает зримым и ясным настолько, будто ты проживаешь всю жизнь заново. Взлеты и падения, неблагоприятные поступки, великие свершения. Ты ощущаешь стыд и гордость, тебя обуревают необыкновенное возбуждение и убаюкивает стремительно надвигающийся вечный покой.

Я вспомнил детство. Шумные королевские пиры, где придворные и гости двора, перепиваясь, валялись под стол. Суровые наставления отца, его бешеный хохот и неумную ярость. Ласку и любовь так рано ушедшей из жизни матери. Ее совершенный образ всегда напоминает мне о том, что

женщина – создание почти идеальное. Если бы некоторые дамы впоследствии не дали мне понять, что в женщине имеется великое множество изъянов и Создатель, наверное, пребывал в глубоком творческом кризисе, когда создавал женщину именно такой, наверное, я и по сию пору был бы очарован этими во многом парадоксальными и непростыми существами.

Единственным недостатком моей матери, по словам тех, кому выпало счастье знать ее при жизни, была ее крайняя нетерпимость к людям, совершающим недостойные поступки. Раз она, например, ударила герцога Бевиньи бронзовым подносом только за то, что во время трапезы он вытирал жирные ладони о край шелковой скатерти. Если подумать, ну что такого страшного – немного запачкал королевскую собственность, но моя мать просто не могла вынести подобного поведения, потому что была особой самых благородных кровей и утонченного воспитания. Поднос этот с запечатленным на нем профилем герцога, поговаривают, стал его личной реликвией и хранится по сей день в Вейгарде...

Отрочество. Дни, проведенные в душных учебных классах, бесконечные тренировки («истинное фехтовальное мастерство дается только тому, кто трудится до изнеможения», – говаривал Габриэль Савиньи), озорные выходки и праздные шатания по столице Центрального королевства – Мэндому.

Иногда я сбегал с занятий только для того, чтобы с ком-

панией простых по крови бездельников – моих приятелей – отправиться за северный торговый тракт. Там мы, сидя на бревнах на заброшенной лесопилке, играли в карты и кости, рассказывали смешные истории и планировали набеги на окрестные сады и огороды. А потом, в ожидании наступления вечера, отправлялись на центральный рынок – таскать у торговцев семечки и соленые огурцы.

Развлечения наши были весьма далеки от совершенства. Порой мне даже бывает стыдно, когда я вспоминаю, что мы вытворяли. Озорничали иногда довольно жестоко, доводя мирных граждан Мэндомы до иступления.

Например, били стекла в богатых домах, а мозаичные витражи были в те времена очень и очень дороги. Впрочем, и сейчас они тоже не дешевы. Цветные стекляшки были нужны нам, чтобы смотреть через них на мир (в красном, синем и зеленом цвете он выглядел куда интереснее), да еще играть в расшибалочку. Я почти все время выигрывал, и в конце концов у меня набралось столько цветных стеклышек, что при желании ими можно было остеклить весь фамильный замок. Я же предпочел раздарить их ребятам помладше, благодарности их не было предела.

Еще мы швырялись камнями в мойщиков стекол. Беднягам было сложно удержаться на верхотуре под целым градом тяжелых снарядов. Выронив ведро и тряпку, они шлепались на мостовую, сопровождаемые нашим радостным смехом.

Мы регулярно клали свежий навоз на пороги домов, где

жили самые суровые столичные граждане. Ох и отчаянно они ругались, наступив рано поутру начищенным до блеска сапогом в благоухающую кучу.

У нас были собственные маскарадные костюмы, составленные по большей части из украденного белья, которое ничего не подозревавшие хозяйки развешивали сушиться на солнышке. Мои приятели любили щеголять в цветастых трусах поверх штанов, дамских панталонах и розовых нижних юбках с узорными рюшками.

Частенько мы устраивали сражения, бились на деревянных мечях и палках, воображая себя настоящими воинами. Я неизменно верховодил. Уже тогда я получал регулярные уроки фехтовального мастерства у Габриэля Савиньи и мог одержать победу над любым из сверстников. Я вел своих приятелей в бой, и мы всегда разбивали врага – плохо организованных и не обученных владению оружием мальчишек с соседней улицы.

Раз у них, правда, тоже объявился лидер – крепкий паренек с красным угреватым лицом. Благодаря его командованию они атаковали нас несколько раз вполне успешно. Но в его жилах не текла королевская кровь – он был сыном старьевщика. И смелость крепыш сохранил лишь до тех пор, пока я не ткнул его однажды деревянным мечом под дых и не пригрозил, что ему не поздоровится, если он посмеет еще хотя бы раз выступить против меня. С тех пор он вел себя ниже воды, тише травы. Ну или наоборот... А потом принял

верное решение и примкнул к нашему отряду.

Я ощущал, что действительно счастлив, когда неприятель бежит, а в нашей власти оказывается очередной переулочек города. С моими восторженными чувствами совершенно не считались жители Мэндома – их наши игрища буквально выводили из себя, в особенности если сражение разворачивалось далеко за полночь. Вели мы себя слишком шумно и никому не давали спать. Пару раз меня даже окатили помоями. А «вояк» из моей армии таскали за уши, отвешивали им подзатыльники, давали пинки. Подобные унижения вызывали во мне жгучую ярость и желание отомстить за поруганную честь моего маленького воинства.

Отрочество мое было временем вполне беспечным, но наполненным высоким смыслом – оно олицетворяет для меня сейчас вхождение во взрослую жизнь. Именно тогда ко мне пришло осознание того, кто Я такой и как мне следует вести себя с окружающими простыми людьми.

Юность. Пора бурного веселья – светлого эля и девичьих объятий. Пожалуй, элем тогда я увлекался чрезмерно, да и красоток, побывавших в моей постели, было не сосчитать. Если уж говорить откровенно, то в постели милые крошки оказывались весьма нечасто. Зато они бывали у меня в открытом поле, в лесу за торговым трактом (на тех самых бревнах, где мы когда-то играли с приятелями в карты и кости), на лестнице одного старого дома (замок на двери был сбит, здесь давным-давно никто не жил), на многочисленных чер-

даках, за замковой кузницей (ах, Грета, светловолосая дочка герцогини Гадсмита, где ты сейчас?), на крыше кузницы, когда темнело, и даже в самой кузнице, если там отсутствовал кузнец – здоровенный глухонемой мужик по имени Герасим.

Кузнец умел говорить только два слова: «Поддай жару!» Люди болтали про него, что, дескать, когда-то давно Герасим утопил собачку. Я же всегда был уверен, что это неправда. Народ любит придумывать всякие истории про тех, кто вызывает у них неуютное чувство. О Герасиме же всем вокруг так и хотелось присочинить какую-нибудь байку, потому что физиономия у него была самая что ни на есть зверская.

Именно тогда, в юности, я впервые почувствовал в себе склонность к борьбе за справедливость и убийству отъявленных мерзавцев. И, надо сказать, весьма преуспел в этом важном, принципиальном для меня деле.

В общем, юность моя, так же как и отрочество, была временем в высшей степени счастливым... За многими простыми радостями, такими, как светлый эль, девичьи объятия и убийства отъявленных мерзавцев, я и сам не заметил, как произошло мое становление, укрепился мой характер и закалился дух.

Черный период жизни. Смерть отца. Я лишен наследства, изгнан Фаиром из Центрального королевства, живу прихлебателем при дворе родных братьев. Участь бедного родственника начинает меня все сильнее тяготить. Наконец, я прихожу к мысли, что подобное существование неприемле-

мо для принца крови, и отправляюсь искать лучшую долю...

Торговый тракт Гадсмита. Я мчусь на вороном скакуне к купеческому обозу, а позади, обнажив мечи, несутся во весь опор головорезы из моей шайки. Эх и лихое было время! Я вел себя так, словно искал смерти. А все потому, что на какое-то время утратил себя самого. Не найдя места в изменчивом мире, я, рисковал каждый день головой и тем не менее оставался в живых. Наверное, высшие силы берегли меня для великих дел, со мной была моя удача и мое предназначение, моя значимость для судьбы великой Белирии.

А вот разбойники из моей шайки почему-то, напротив, гибли толпами. Нередко после очередного набега от отряда оставалось не больше десяти человек. Правда, шайка моя вскоре пополнялась, но вечно так продолжаться не могло. Благодаря – высокой смертности среди моих людей я довольно быстро снискал дурную славу. Многие, например, считали, что я вовсе и не человек. Наверное, всему виной была моя необыкновенная удача, то, что я был практически неуязвим, чудесным образом избегая любой смертельной опасности. Ну и репутация отчаянного психа, конечно, тоже заставляла разбойников разбредаться по другим, порой менее удачливым, шайкам. Слухи обо мне были, как водится, сильно преувеличены – я ведь вовсе не ненормальный, как кто-то может подумать, я тоже испытываю страх и прочие простые человеческие эмоции... Я – человек, хоть и обладаю нечеловеческой силой воли и умением решать любые вопросы.

Стерпор. Борьба за власть. Кровопролитная война. Победа. Я – король. Мне принадлежат обширные земли от самой Кривии до Северного Мерквия...

И вот уже я – жалкий калека, узник Нижних Пределов. Вырвался на свободу лишь затем, чтобы погибнуть, рухнуть в пропасть по воле гадкого, тупого карлика...

Я вспомнил, как Габриэль Савиньи принес мне взамен деревянного меча настоящий, булатной стали. Мой первый меч, выкованный Герасимом за пару часов, был лишен украшений вроде гравировки или изящных вензелей, но мне он показался самым красивым оружием на свете. На глазах у меня выступили слезы. Я смотрел на стальной клинок, на обмотанную бечевкой рукоять и не мог вымолвить ни слова – мои уста сковал восторг – это был поистине божественный дар.

– Носи оружие с честью, – сказал Габриэль Савиньи, – ты мой лучший ученик, Дарт. Я знаю, что ты будешь использовать его всегда только для правых дел.

– О да! – Я благодарно кивнул и положил руку на плечо учителя. – Ты можешь быть в этом уверен.

Я уже давно был с Габриэлем Савиньи в дружеских отношениях. Нас сблизило увлечение метательными топорами. И хотя я все больше внимания уделял мечу и все меньше топорам, время от времени мы с ним соревновались, кидая топоры в державших деревянные щиты слуг. Мне надоедало

швырять топоры довольно скоро – все же это занятие на любителя. А вот Габриэль Савиньи так любил топоры, что порой впадал в настоящее иступление. Он кидал и кидал их до тех пор, пока от щита не оставались одни обломки, а державший его слуга не падал от ужаса в обморок. Или делал вид, что упал, в надежде остаться в живых.

Мое заверение, что я намерен использовать пожалованный мне меч только для правых дел, вовсе не было пустыми словами: я давно уже подумывал о том, что как только стану обладателем настоящего меча, то немедленно совершу целый ряд благороднейших поступков.

И совершил...

Покинув фамильный замок, я отправился в жилую часть города, чтобы вступить в поединок возмездия с первым отъявленным мерзавцем на моем длинном жизненном пути. Этот злодей по профессии был шорником, он занимался разведением собак, кормил и поил их, приучая к себе, растил, в общем, строил из себя добродушного дядюшку – покровителя братьев наших меньших. А потом сдирал с бедных собачонок шкуры, шил сапоги и по весьма недешевой цене продавал состоятельным гражданам Мэндома. Наживался на страданиях несчастных животных.

Не представляю, какой паршивой у человека должна быть душа, чтобы он был способен на такое.

Я поднялся по ступеням и громко постучал в дверь дома,

где жил этот отъявленный мерзавец. За дверью царила тишина. Потом отозвались собаки – судя по приглушенному лаю, он держал их в подполе. Я стоял на пороге и раскачивался на каблуках, ожидая, когда негодяй наконец соизволит меня принять. Время шло, а он все не появлялся. Я постучал повторно, чувствуя, что теряю терпение. Я даже несколько раз дернул серьгу. Тогда этот жест только начинал входить у меня в привычку. Наконец за дверью послышалось кряхтение, закрипела лестница.

– Кого там черти принесли? – проворчал шорник и громко зевнул.

– Это потомственный принц дома Вейньет! – выкрикнул я. – Мое имя – Дарт! Открывай, морда!

Суровое обращение отъявленного мерзавца совсем не смутило, наверное, он привык к тому, что высокопоставленные господа, общаясь с ним, ругаются последними словами. Да и как еще можно обращаться с человеком, ремесло которого – живодер.

Дверь распахнулась, на лице шорника сияла счастливая улыбка – он почему-то решил, что я хочу приобрести сапоги, скроенные из шкур невинно убиенных животных. Выражение моего лица его тоже не удивило. Наверное, именно так, с отвращением, на него смотрели многие богатые клиенты.

– Юный принц, – продолжая скалиться, сказал шорник, – какой сюрприз! Для вас – лучший товар. Приготовлен только на той неделе. – Он заговорщицки подмигнул мне. – Желаете

посмотреть прямо сейчас?

Я решил не тянуть кота за хвост и сразу же приступить к делу. Вынув меч из-за спины, где я его прятал – опасался, что шорник в дверную щель разглядит мое новенькое блестящее оружие и не захочет ко мне выйти, – я сказал:

– Буду краток. Ты недостойн того, чтобы жить. И я пришел убить тебя.

– Чего?! – растерялся негодяй. Наверное, раньше ему не приходилось сталкиваться с подобной откровенностью. – Я вас не понял. – Он шумно сглотнул слюну.

– Я пришел, чтобы убить тебя, – повторил я, подергивая серьгу, – но, если ты предпочитаешь провести поединок по всем правилам, что ж, я готов.

– По-поединок... – От страха он стал заикаться, лицо его пошло пятнами.

Росту шорник был под два метра, широкоплечий и очень плотного телосложения, но смелостью он явно не отличался. Увидев, что отъявленный мерзавец впал в состояние почти священного ужаса и вместо того, чтобы взяться за оружие, только хлопает глазами, я сильно разочаровался. В самом деле, убивать безоружного подлеца, трясущегося от страха, словно руки у запойного пьяницы рано поутру, совсем не почетно. Другое дело, – насадить на острый клинок яростного противника во время длительного, кровопролитного поединка.

– На колени, собака, – рявкнул я, расстроенный до глубины

ны души его недостойным поведением.

Как видите, даже в весьма юном возрасте я был решителен и грозен. С отъявленными мерзавцами я никогда не церемонился.

Обозвав его собакой, я, видимо, затронул дремавшую в его душе струнку маленькой, загнанной в самой дальний уголок совести. Шорник внезапно весь обмяк, упал на пол и, обхватив мои колени, зарыдал в голос. Он лил слезы и каялся, каялся и клялся, что «никогда больше так не будет», «чесс-сно слово, не будет», и что великолепный милорд может забрать все его сапоги и носить их... Подобное предложение вызвало у меня возмущение, я топнул ногой и случайно отдал шорнику пальцы. И вообще, вскрикнув от боли, каялся несчастный, он будет лучшим другом всем бездомным собакам Мэндома., станет кормить их и, что главное, поить. Он будет поить их каждый божий день, с утра и до позднего вечера. Пока он жив, ни одна собачка в столице Белирии не узнает, что такое жажда...

– Мамою клянусь, – выкрикнул мерзавец и ударил себя в грудь.

– Ты бы еще чертовой бабушкой поклялся! – проворчал я, развернулся и пошел прочь. Под нос я бормотал проклятия – все прошло совсем не так, как мне представлялось.

Я не сомневался, что через пару дней шорник и думать забудет о своих обещаниях и примется за старое, но оказалось – я напугал его так сильно, что на протяжении очень дол-

того времени он действительно выполнял все то, что наобещал мне в пылу раскаяния. Еще пару лет в Мэндоме можно было наблюдать сильно поддатых собак. Некоторые ночами выли на луну, мешая горожанам заснуть, другие впадали в ярость и кидались на прохожих, иные просто спали, издавая громкий храп и довольное ворчание – наверное, во сне им являлись сахарные косточки. Мэндом даже прозвали «городом пьяных псов». Кое-кто считал, что столицу Белирии так окрестили из-за королевских стражников – их народ давным-давно нарек псами. Что и говорить, стражи действительно любили пропустить по стаканчику, даже будучи на службе, да и гавкали на всех почем зря... Но я – то точно знал: к тому, что Мэндом нарекли «городом пьяных псов», королевская стража не причастна – просто на улицах шляется великое множество нетрезвых собак. Куда ни пойдешь – непременно наткнешься на пару шатающихся красноглазых шавок. Многие собачонки на столичных улицах и гавкать толком не могли, только громко и часто икали.

Напуганный мною до безумия шорник бродил по городу с огромным бочонком браги и поил из него бродячих животных. На нищих, с вожделением тянущих к нему ладошки, он яростно шикал и грозился передать их в руки королевской стражи, если они будут мешать ему «выполнять высшее предназначение».

Подобное положение вещей, конечно, было совсем не тем, чего я добивался. Я-то полагал, что отъявленный мерза-

вещ не исправится никогда, что он будет тихонько лежать, сложив на груди пухлые ручищи под наглухо заколоченной крышкой гроба, под слоем сырой землицы, и не обидит больше ни одной собачонки, но вышло все, как видите, совсем иначе.

По крайней мере, шорник перестал терзать собак, кроя из их шкурок сапоги. Перешел на кошек. Ну а кошек я и сам, признаться, недолюбиваю...

Следующий визит возмездия я нанес известному во всей Белирии и даже за ее пределами дельцу Цвейгу Мегану. Отъявленный мерзавец был богат, как покойный король Георг, и отличался абсолютным отсутствием совести. Он жил за городом, где отстроил себе невероятных размеров поместье. Собственно, и не поместье даже, а целый замок с широкой оборонительной линией укреплений, тремя рвами и несколькими постами наемной стражи между ними.

Меган отличался от простых, хороших людей тем, что время от времени отлавливал в Мэндоме и его окрестностях молоденьких девушек, отвозил к себе в замок и там творил с ними всяческие бесчинства. Королю Бенедикту развлечения Мегана, разумеется, совсем не нравились, но благосостояние королевства во многом зависело от этого маленького, приткого человечка, сумевшего десять лет назад основать Торговую гильдию. К тому моменту как я нанес ему визит, Меган успел прибрать к рукам половину Белирии. Торговая гиль-

дия ведала всеми импортными и экспортными делами государства, контролировала внутреннюю торговлю и собирала для королевской казны высокий налог со всех торговых сделок. Цвейгу Мегану также принадлежало тридцать алмазных рудников в окрестностях Вейгарда (вот ведь стервец!) и несметное количество шахт, где добывалась железная руда.

Уже одно только то, что делец обладает подобным богатством, делало его в моих глазах «отъявленным мерзавцем». Хорошее благосостояние, по моему нескромному мнению, к лицу особе королевской крови, но никак не зарвавшемуся безродному купчишке.

Цвейг Меган был в Белирии человеком очень влиятельным, к нему прислушивались многие, иногда он имел наглость диктовать свою волю даже королю. Это случалось, когда речь шла о каких-нибудь крупных торговых сделках, на которых король должен был лично присутствовать, чтобы продемонстрировать партнерам серьезность намерений Мегана. Иногда ради заключения сделки Бенедикту приходилось отменять запланированные дела – званый ужин, очередное пиршество, а однажды – даже охоту, что было само по себе событием необыкновенным. Однако финансовым делам Бенедикт Вейньет уделял первостепенное значение и вынужден был закрывать глаза на отвратительное поведение основателя Торговой гильдии.

– Мы пока потерпим Мегана, – по обыкновению говорил отец, выслушав очередной рассказ о бесчинствах, творимых

дельцом, – пусть его, развлекается. – Тут он возвышал голос: – Но он должен знать – час расплаты придет. Если и не на земле, то на небе его настигнет возмездие! – Бенедикт указывал на потолок, лицо его становилось проникновенным и благостным. – Бог... он ведь не просто так там сидит, он все-все видит. Так что Мегану не поздоровится там, на небесах... В этом вы можете быть уверены, как и в том, что меня зовут Бенедикт Вейньет.

Если горожане начинали вяло возражать, что неплохо бы, дескать, чтобы Мегану не поздоровилось уже здесь, на земле, король начинал сердиться.

– А вы знаете, сколько Меган сделал для Белирии? – вопрошал он. – Вы хотя бы представляете себе, что вашей сытой жизнью вы обязаны не кому-нибудь, а Цвейгу Мегану? Помните ли вы, как вам жилось, когда в Белирии не было Торговой гильдии? То-то и оно! А теперь посмотрите, какая жизнь на-ча-лась!

Конечно, отец заблуждался, считая жирного паука, сосущего кровь трудового народа, благодетелем нашей великой страны.

Откровенно говоря, меня этот мерзкий, раздувшийся от сытости паучище не заинтересовал бы вовсе, если бы речь шла только о его богатстве и проделках с какими-то мало-знакомыми мне девицами, но в его сети однажды попалась одна из моих подружек. Вид ее после посещения злополучного замка огорчил меня до невозможности – выглядела она

просто ужасно, бедняжку сильно избили, к тому же пережитый ею стресс оказался настолько сильным, что она почти разучилась говорить, а я, признаться, любил с ней поболтать о самых разных вещах...

У меня в голове не укладывается, как можно совершать подобные преступления и чувствовать себя потом вполне спокойно. «Наверное, у отъявленных мерзавцев просто-напросто нет некоторых душевных свойств, имеющихся у простых людей, – помнится, думал я, – исправить их практически невозможно, а значит, их нужно уничтожать, выпалывать, как сорняки, растущие на поле для культурных растений».

Я намеревался поговорить с Цвейгом Меганом как мужчина с женщиной. Я рассудил, что разговор по-мужски должен раз и навсегда убедить Мегана, что так больше жить нельзя. Совсем нельзя так жить. Ну, вы меня, наверное, понимаете. Жить так нельзя!

Лошадку по кличке Спот с белым пятном на лбу я гнал во весь опор, так что очень скоро передо мной выросла темная громадина великолепного замка. Оба моста оказались опущены. То ли Цвейг Меган ожидал гостей, то ли настолько уверился в собственной безопасности, что до лихих людшек или даже диких племен ему не было никакого дела.

К слову сказать, дикие племена в Центральном королевстве объявлялись действительно крайне редко. Рубежи королевства всегда были надежно защищены, ведь для того,

чтобы прийти на земли короля Бенедикта, агрессорам нужно было миновать одно из приграничных герцогств. Последний раз военный конфликт случился почти десять лет назад, когда племена куннов вторглись в Гадсмит, но благодаря мужеству и полководческому таланту герцога Мизериллы (вынужден признать, что в военной науке он весьма преуспел) куннов отбросили за границы герцогства. Что касается кошмарных варварских племен луноликих стервятников, то о них в Белирии последний раз слышали почти полвека назад. Хотя отдельные представители этого донельзя отсталого и дикого народа иногда появлялись в Центральном королевстве. Стервятники выполняли различные заказы, служа убийцами и ворами. Однажды и мне пришлось с ними столкнуться, но об этом несколько позже...

Первый пост охраны я миновал без всяких проблем – наемники Мегана попросту дрыхли. Я проскакал в нескольких шагах от них, а они так и не проснулись. Скорее всего, стражи были мертвецки пьяны. Дисциплина в охране купчишки меня позабавила. Проникнуть в его владения оказалось даже не просто, а очень просто...

Второй пост бодрствовал, но алчные до денег наемники согласились на небольшое вознаграждение и пропустили меня дальше без всяких лишних проблем, суеты и бряцанья оружием. Я всегда говорил – жадность делает людей благоумными, а бескорыстие лишает разума.

Третий пост находился возле моста. Два стража уныло на-

блюдали, как я подъезжаю. Денег у меня уже не было, поэтому мне ничего не оставалось, как действовать напрямик, с предельной откровенностью. Я спешил и пошел к стражам. Умница Спот послушно плелся сзади, даже за повод тянуть не приходилось.

– Я с визитом к Цвейгу Мегану, – заявил я.

– Кто такой? – спросил один из стражей. Наемников делец набирал из окрестных поселений, так что они могли не знать меня в лицо.

– Потомственный принц дома Вейньет, – отрекомендовался я, – приехал убить вашего хозяина.

– Убить?! – оживился страж, с которым я беседовал. – Что, прямо вот так и убить?! – Выражение лица у него стало язвительным.

– Да, – твердо сказал я, – надеюсь, вы не собираетесь мне помешать...

Тут до него наконец стало доходить, что намерения у меня самые серьезные, он растерялся и сделал шаг назад, не зная, что предпринять.

– Что здесь происходит? – К нам с важным видом подошел второй страж.

– Да вот, принц дома Вейньет, – сказал первый, – говорит, приехал убить нашего хозяина.

– Что такое?! – переполошился второй страж.

Рука его метнулась к рукоятке меча, но я оказался намного проворнее. Одно только движение – и он замер, боясь по-

шевелиться – клинок застыл у его горла, над самым кадыком, дернишь у меня рука, от напряжения или по какой-нибудь другой причине, и он покойник. Страж прочувствовал ситуацию сполна, судорожно сглотнул слюну и поинтересовался:

– Что мы мо-жем для вас сде-лать?

– Вы что, с ума сошли?! – сдвинув брови, спросил я. – Собирались, значит, чинить препятствия королю?!

– Но ты же еще не король, – возразил тот, жизнь которого не висела сейчас на волоске. Наверное, стоя от меня в нескольких шагах, он чувствовал себя в безопасности и потому позволил себе вступить в бессодержательный диспут.

– Не слу-шайте его, ваша светлость, – проговорил первый, – он у меня денег занял. Вот и болтает что ни попадя.

– Понятно. – Я усмехнулся. – Отдавать, значит, не хочет...

– Вот будешь королем, тогда и командуй, щенок, – хмыкнул должник, думая, наверное, что сейчас я разом решу его финансовые проблемы.

Клинок мелькнул так быстро, что страж ничего не успел предпринять. Он закричал, схватился за рассеченный подбородок и отпрыгнул далеко назад. А острие уже снова было у горла его товарища. Сильно сожалея о своих опрометчивых словах, должник в ужасе пятился – демонстрация моего фехтовального мастерства сильно его впечатлила.

– Куда пошел? Стоять, – сказал я ему, – или я за твою сохранность не отвечаю. Страж остановился.

– Бросайте-ка ваши мечи в ров, – потребовал я, – или я

сниму их с трупов...

Приказание было немедленно исполнено.

– Могу я надеяться, что, пока буду находиться внутри, вы не станете чинить мне никаких препятствий? – спросил я.

Оба сумрачно кивнули.

– Нет, так не пойдет. – Я покачал головой. – Больно морды у вас нерадостные, как я погляжу, давайте-ка я вас лучше свяжу. Договорились?

Возражать они не стали – проявили благоразумие.

– Веревка у вас есть? – поинтересовался я.

– Есть немного, – откликнулся один из стражей.

– Вот и прекрасно, если бы не было, за вашу жизнь я не дал бы и ломаного гроша.

Страж с порезанным подбородком метнулся к палатке и, недолго покопавшись в ее недрах, извлек на свет нечто странное.

– И это веревка? – негодуя спросил я (то, что он пытался выдать за веревку, больше всего походило на клубок гнилой шерсти). – Нет, похоже, вы совсем не цените свою жизнь. Видимо, мне все же придется вас убить.

– Ладно-ладно, – испугались стражи, – у нас и другая есть...

Я связал их по рукам и ногам отличной пеньковой веревкой – распутаться им будет не так-то просто – и проследовал в замок.

Да, охрана у Цвейга Мегана самая непрофессиональная.

Должно быть, купчишка поспешил и нанял самых дешевых воинов в Белирии. Наверное, он не знал, что если ты «отъявленный мерзавец», в первую очередь тебе следует позаботиться о собственной безопасности, а потом уже вершить всякие гнусные делишки. А не то придет юный принц и оборвет твою никчемную жизнь.

Я мрачно усмехнулся – и дернул серьгу. Настроение у меня в этот день было просто убийственное.

Цвейг Меган давал очередной пир. Трапезничали почти круглые сутки. Попойка шла полным ходом. Народ хохотал, жрал и пил, хрустели кости, чавкали жирные рты. Длинные столы, стоявшие в форме буквы «Т», сплошь были заставлены разнообразными яствами. Поросята в пряном соусе, копченые окорока, трюфели, речная рыба, печень индейки, паштеты из бычьих тестикул с перепелиными яйцами, грибы, многочисленные салаты и другие разносолы.

Цвейг Меган моего появления не заметил, он сидел во главе стола, на перекрестье буквы «Т», и как раз опрокидывал в себя очередной золоченый кубок, полный вина. Зато его гости сразу обратили на меня внимание, тем более что я постарался обнаружить себя немедленно. Лица у всех собравшихся были, мягко говоря, неприятными, я опасался, что если промедлю с приветствиями, то решительности у меня прибавится.

– Я пришел, чтобы передать привет от леди Лоры! – проорал я так, что даже охрип.

Голоса заметно поутихли. Жующие головы повернулись ко мне. Делец поперхнулся вином и припечатал кубок к столу.

– От кого?! От кого?! – рявкнул Меган. – Что-то я не припомню такой... леди? – и поднялся из-за стола. – Здесь вообще много разного сброда бывает, – заявил он, – но я ни разу не слышал, чтобы тут видели хотя бы одну леди.

Народ за столом дружно загоготал. По мнению присутствующих, шутка вышла презабавной. Мне так не показалось. Должно быть, у всех мерзавцев чувство юмора весьма специфическое и схожее, а здесь мерзавцев было предостаточно. Порядочных же людей не наблюдалось вовсе. Только моя нескромная персона.

– Леди Лора была тут, я пришел, чтобы отомстить за ее поруганную честь.

– Чего? – спросил Меган. – Чего-чего? Я чего-то не слышал?

Он оглушительно захохотал, его смех поддержали все вокруг. Некоторое время трапезная буквально содрогалась от хохота. Я же терпеливо ждал, когда веселье схлынет. Первым прекратил смеяться Цвейг Меган.

– Погоди-ка, – сказал он, сощурившись, – да я ведь, кажется, тебя знаю. Ты королевский сынок. Дартруг, так, кажется.

– Дарт, – поправил я его, – Дартруг – мой старший брат.

– А ты, значит, младший. Понятно, понятно. – Меган на-

правился прямым ко мне. Не обращая внимания на зажатый в моей руке меч, он подошел и обнял меня за плечи (делец был очень ловок в общении и гордился умением завоёвывать расположение любого – но не мое). – Послушай, тебя просто неправильно информировали, – вкрадчиво сказал он, – теперь я действительно припоминаю, была тут такая... леди... – Он хмыкнул. – Но она пришла сюда сама, без приглашения, и все время просила меня – еще, еще... ну, ты меня понимаешь. Ненасытная, в общем, особа...

Клинок мелькнул снизу вверх, рассекая его горло. Меган вскрикнул – получился булькающий всхлип – и рухнул на колени. Я сделал шаг назад, и купчишка ткнулся лицом в носки моих сапог.

Несколько мгновений в зале царил тишина. На всех присутствующих напал столбняк, настолько они были ошарашены случившимся. Кончина крупного дельца, основателя Торговой гильдии и человека, напроць лишенного совести, была неожиданной и скоропостижной. Тишина продлилась недолго, вскоре началось форменное столпотворение. Охранники Мегана, по большей части наемники и убийцы, ринулись ко мне, вынимая на ходу мечи. Гости купца, в числе которых, как вскоре выяснилось, был и его двоюродный брат, не могли оставить происшедшее без внимания и решили покончить со мной.

Я оказался на столе, подпрыгнул, вцепившись в массивную люстру, и побежал, раздавая удары ногами направо и

налево. Толпа ринулась за мной. Опасаясь, что сейчас меня проткнет кто-нибудь не в меру ловкий, я, не выпуская из рук меч, забрался на люстру и принялся ее раскачивать. Гости Мегана полезли на стол, чтобы достать меня. Стол не выдержал и с грохотом рухнул. Многие растянулись среди изысканных кушаний. Я успел заметить, что один из гостей ткнулся лицом в паштет, а другой пробил головой дубовую бочку и теперь буквально захлебывался вином.

Вскоре люстра раскачалась достаточно, чтобы я допрыгнул до балконных перил. Оттуда я перебрался на второй ярус. Через мгновение здесь уже было не протолкнуться. Проход второго яруса оказался очень узким, ко мне не могло подобраться больше двух человек одновременно. Бойцы атаковали меня справа и слева, а за их спинами толпились другие желающие пустить кровь отважному борцу за справедливость. Их было много, и они напирали. Мне удалось заколоть одного из бойцов. Придерживая его левой рукой, я отражал нападение второго. Но и этот занимательный бой продлился недолго. Вскоре, раненный в голову, мой противник перевернулся через перила и рухнул вниз. Я отпихнул проколотый насквозь по меньшей мере десять раз труп и снова запрыгнул на люстру. Толпа немедленно устремилась вниз по лестницам, чтобы прикончить меня там.

Я благополучно приземлился на обломки стола и побежал к дверям, ведущим к выходу из замка. Однако уже на середине зала понял, что не успеваю – слишком ретиво бежали

гости Мегана, стараясь отрезать меня от пути к спасению. К счастью, нападавшие совсем позабыли про дверь, ведущую в другие помещения. Я немедленно кинулся туда. Перед дверью оказался всего один, правда, очень яростный противник. Он заревел, размахивая шестопером. Бедняга неправильно уловил направление движения моего клинка – решил, что я собираюсь предпринять правый сложный финт. Должно быть, он был обо мне преувеличенно хорошего мнения. Я не стал мудрствовать и, когда он попытался закрыться справа, заколол его прямым выпадом в грудь. Затем я врезался в двери, они распахнулись, и я помчался по коридору.

Мимо меня проносились входы в другие помещения замка Цвейга Мегана, но для того, чтобы заглядывать в них, у меня не было времени, да и желания – пусть королевские стражи разбираются, что он тут успел наворовать за долгие годы выворачивания карманов у честных граждан Центрального королевства. Я добежал до небольшого окошка в конце коридора, нырнул в него и выбрался на небольшой каменный выступ – подо мной оказался ров с острыми кольями. Я выругался про себя и заспешил по выступу, цепляясь за стену, прочь, подальше от преследователей... и так до самого угла. Здесь выступ кончался. За поворотом стена была абсолютно гладкой.

Кто и зачем построил под окном этот странный выступ? Мне в голову стали лезть всякие мистические мысли. Может, замок Цвейг Меган строил с помощью какого-нибудь колду-

на-провидца. И колдун предусмотрел этот выступ специально, чтобы на нем окончил свои дни убийца владельца замка. Да нет же, этого просто не может быть!

Я обернулся, из окошка следом за мной выбрался краснолицый верзила, вооруженный тяжелым топором. Он осторожно крался по выступу, время от времени поглядывая вниз. На лбу у парня выступила испарина. Судя по виду, верзила очень боялся высоты, но желание поскорее покончить со мной было намного сильнее этого страха. Был бы он чуточку поумнее, спустился бы вниз и спокойно расстрелял меня из арбалета.

– Эй ты, – голос у него был сильным, – ты, Дарт, как там тебя... королевский сынок... ты убил моего двоюродного брата.

– Прими мои соболезнования. – Меч я держал на изготовку, готовясь отразить его нападение. – Но мне кажется, твой брат был очень недостойным человеком. Я рад, что он больше никому не причинит боли и страданий. Порадуйся и ты вместе со мной.

– Да пошел ты! – взревел он и ринулся на меня.

Эмоции захлестывали верзилу, он забыл об осторожности, споткнулся и, взмахнув руками, полетел вниз, прямо на острые колья. Хряпе! Чавкающий, неприятный звук заставил меня поморщиться. Я поглядел вниз – двоюродный братец Цвейга Мегана так и не выпустил из руки топор, кол торчал из середины его груди. Он еще был жив, дернул головой

и что-то прохрипел. Я не расслышал...

А из окна уже выбирался новый наемник с кривой алебардой.

Все ясно – решил достать меня издалека. Ну что же, его ждет жестокое разочарование. Габриэль Савиньи много внимания уделял тому, чтобы обучить меня обороняться мечом от длиннодревкового оружия.

Меня посетила мысль, что, если меня будут и дальше атаковать, я смогу постепенно забросать колья телами врагов и потом спокойно спрыгнуть вниз... Я отбросил эту идею, как далекую от воплощения в реальность. Скоро, очень скоро враги поймут, что куда проще расстреливать меня снизу, и тогда мне не поздоровится.

Я двинулся навстречу наемнику – пусть сзади у меня будет немного места на тот случай, если он окажется слишком проворным и мне придется отступить. Тут под пальцами я что-то почувствовал – странный металлический штырек. Я покрутил его, потом нажал – щелкнул хитроумный замок, и каменная стена за моей спиной вдруг вздрогнула и отвалилась. Каменный выступ оказался не бесполезной причудой и не хитроумным замыслом колдуна-провидца, а дорогой к потайному ходу.

Я немедленно развернулся, прыгнул в лаз и сделал вид, что бегу по каменным ступеням. Даже изобразил затихающий вдали радостный крик. Воин с алебардой нырнул следом за мной, получил подножку и покатился вниз, стучаясь

головой обо все, что попадалось у него на пути. Ступени, стена, ступени, каменный бортик слева, ступени... Больно, наверное. Он остался лежать в самом конце крутой лестницы, алебарда валялась рядом. Перешагнув неподвижное тело, я оказался в крошечной темноте. Делать нечего, придется идти. Цепляясь за стены, я двинулся вперед.

К своему удивлению, выбрался я неподалеку от того места, где оставил лошадку. Спот собрался было радостно заржать, но я схватил его за морду и покачал головой – тихо! Он понял, ткнулся мне в щеку мокрыми губами и фыркнул...

Должно быть, Цвейг Меган предчувствовал, что обделываемые им темные делишки (не только кражи молоденьких девиц, но и многие другие) рано или поздно всплывут и, когда король придет его арестовывать, он сможет выбраться через подземный ход с мощной, набитой золотом. К счастью, я помешал осуществлению этих далеко идущих планов и отъявленному мерзавцу не удалось избежать правосудия...

Наемники Мегана не стали ничего предпринимать для моей поимки, а постарались убраться как можно дальше от Центрального королевства, полагая, что королевский сынок немедленно доложит о происшедшем отцу. Действия же Бенедикта Вейньета всегда отличались непредсказуемостью, так что на его милосердие никто и никогда не полагался. К тому же Цвейг Меган был для них всего-навсего работодате-

лем. Покажите мне идиота, который за своего работодателя готов пожертвовать жизнью. Если только чьей-то чужой. И то вряд ли.

Я же после успешного завершения дела всерьез воодушевился, ощущая эйфорию по поводу того, что совершаю благородные поступки и избавляю мир от плохих людей. В течение месяца я покарал еще нескольких «отъявленных мерзавцев», позоривших светлое имя Белирии, и думал продолжать уничтожать «сорняки на поле для культурных растений», но тут, к своему удивлению, понял, что «отъявленных мерзавцев» в столице Центрального королевства вдруг стало совсем немного. Точнее сказать – не стало совсем. Мне они, по крайней мере, больше не встречались. Люди стали приветливы и благодушны, каждый считал своим долгом поздороваться со мной, сдернув с головы шляпу, я, разумеется, отвечал им тем же. Именно тогда я и пристрастился к приветствиям – еще одна моя вредная привычка, от которой практически невозможно избавиться. В тавернах мне стали совершенно безвозмездно наливать светлый эль, что я воспринял с искренним энтузиазмом. Меня старались задобрить, делая ценные подарки. Да что там говорить – дары сыпались на меня, как из рога изобилия, до тех пор, пока какой-то негодяй-завистник не пустил слух, что подарков я, дескать, тоже очень не люблю. Думаю, это был кто-то из моих братцев. Им очень не нравилась моя слава борца за справедливость и все возрастающая популярность в народе.

После того как прошел слух, что я не люблю подарков, люди стали меня открыто избегать. Многие считали, что я опасный ненормальный, и старались держаться от меня подальше. Впрочем, всеобщего волнения при появлении моей персоны я особенно не замечал, вращаясь в очень узком кругу приближенных. В круг этот входили только мои беспутные приятели и несколько легко доступных девиц. Утром и днем я обучался многочисленным наукам и оттачивал мастерство владения мечом, фехтуя с Габриэлем Савиньи и братьями, а вечером рекой лился светлый эль, и весь Мэндом буквально сотрясался от пирушек, закатываемых нашей не в меру буйной компанией...

Поскольку моя склонность к убийству «отъявленных мерзавцев» вскоре стала очевидной для всех без исключения граждан Центрального королевства, слухи о моих славных деяниях докатились до Бенедикта Вейньета. Отец вдруг стал мною чрезвычайно недоволен, чему я поначалу очень удивлялся, ведь многие простые граждане в Мэндоме одобряли мои действия. Впоследствии я выяснил, что, оказывается, для каждого человека существуют свои «отъявленные мерзавцы», и отвратительный тип, которого, по моему мнению, просто необходимо прикончить, оказывается для кого-то преданным слугой, полезным человеком или даже любимым братом. Моей дражайшей супруге, например, был необычайно дорог ее братец, который занимался тем, что обирал приезжих в небольшой таверне. К сожалению, я то-

гда еще не был знаком с Рошель и потому убил его без зазрения совести, о чем позже, узнав, кем он приходился моей возлюбленной, сожалел все то время, что шел до пансиона мадам Клико, где мне тогда приходилось квартировать. После того как с «отъявленным мерзавцем» Цвейгом Меганом произошла досадная неприятность и отцу донесли, кто отправил его на тот свет, он страшно разгневался и приказал привести меня в тронную залу.

– Дарт, – заорал он на меня, едва я переступил порог, – ты хотя бы знаешь, что натворил?! Я закрывал глаза на твои проделки, но это... это просто возмущает меня до глубины души. Да ведь...

– Знаю, – перебил я его, – отец, послушай, я уничтожил паука, который оплел своими сетями все Центральное королевство. Только подумай, кто теперь будет стоять во главе Торговой гильдии, которой владел Меган?

– В какой еще главе?! Да гильдия развалится к чертовой... – Бенедикт осекся, взгляд его некоторое время блуждал под потолком, потом король просиял. – Ты хочешь сказать, что теперь я... могу собственным повелением... сделать себя главой Торговой гильдии?

– Или хотя бы нашего казначея, – кивнул я. – В любом случае мне всегда казалось, что во главе Торговой гильдии должен стоять свой человек, который думает прежде всего о благе государства, а потом уже о своем собственном обогащении.

Отец посмотрел на меня странно, вид у него вдруг сделался торжественным.

– Ты очень далеко пойдешь, Дарт, – сказал он, – у тебя есть к этому все предпосылки. Смотри не растеряй свои таланты и сообразительность... Знаешь ли ты, например, что светлый эль сильно снижает мозговую активность?

– А я слышал, что эль, напротив, способствует умственному и физическому развитию, – заявил я.

– Кто это тебе сказал? – насторожился отец.

– Наш новый доктор, – ответил я.

– А-а, этот бездельник, – проворчал Бенедикт.

Прежнего придворного доктора я заколол, потому что он сильно донимал меня гигиеной, а с новым мы были почти что единомышленники, по крайней мере, он был охоч до азартных игр, и я регулярно вычищал его карманы, а потом ссужал его деньгами по мере надобности. Новый доктор мог подтвердить любое мое медицинское умозаключение, настолько он был мне предан. Если бы я, к примеру, объявил, что синильная кислота полезна для печени, он с важным видом кивнул бы и сообщил, что и он придерживается того же мнения.

– Не очень-то его слушай, Дарт, – сказал отец, – кажется, до него дошли слухи о том, что случилось со старым доктором, так что он к тебе относится бережнее, чем нужно.

Бенедикт захохотал и хлопнул меня по плечу. Все же отец любил меня больше других сыновей и всегда прощал мне

мелкие проступки и шалости. Если бы я знал тогда, что расположение отца приведет меня к нищете и бесправию, я никогда не стал бы добиваться его любви, а, напротив, старался бы разозлить и обидеть его.

Только однажды, рассердившись на отца, я совершил против него нехороший поступок, да и то потом многократно раскаивался в содеянном. Идея, как всегда, пришла ко мне спонтанно, и я немедленно ее осуществил. Накормил перед парадом любимого королевского коня Росинанта слабительным. Торжественное шествие короля было испорчено – гордый шаг Росинанта сопровождался оглушительной канонадой, а до столпившихся на площади людей долетали зловонные ошметки фейерверка. Бедный Росинант после того злополучного парада получил обидное прозвище Пердун, а пару недель спустя Бенедикт пожаловал его герцогу Мизерилле. Багровый от ярости герцог, не нашедший в себе силы отказать от королевского подарка, выезжал на Росинанте в городские ворота Мэндома, а в спину ему весело кричали горожане:

– Ну надо же – Пердун пердуна везет!!!

В Центральном королевстве герцога Мизериллу почему-то не жаловали. Впрочем, и в родном Гадсмите вспыльчивый нрав и невоздержанность в употреблении спиртных напитков снискали ему дурную славу...

Как я уже говорил, поединки между мною и «отъявлен-

ными мерзавцами» на некоторое время прекратились в связи с отсутствием таковых. Только не поймите меня превратно: очень многие в Мэндоме обладали множеством отвратительных греховных качеств и пристрастий, совершали подлости, относились к окружающим с презрением, проявляли жестокость и черствость. Но никто из них не заслуживал смерти, потому что не являлся в моем понимании натуральным «отъявленным мерзавцем». Все же этот почетный статус надобно заслужить. Таких людей уже не исправишь. У них на лице написано: «Я плохой, убей меня!». Да вы и сами, наверное, нередко сталкивались с подобными типами. При встрече с «отъявленным мерзавцем» у приличного человека немедленно возникает желание перейти на другую сторону дороги, чтобы, не дай бог, не столкнуться с этим ужасным человеком взглядом или чем-нибудь еще. Ведь неизвестно, чего от него ждать. Судя по виду «отъявленного мерзавца», он может запросто отвесить вам оплеуху и от всей души расхохотаться – такая черная у него душа.

Так вот, я уже был уверен, что подобных типов в Мэндоме совсем не осталось, люди с черной душой приложили все усилия к тому, чтобы исправиться, или попросту покинули город. Но вскоре выяснилось, что я ошибался. Однажды, когда я возвращался с веселой вечеринки, организованной самым запойным и веселым из моих друзей, на меня напало четверо вооруженных наемников. До сих пор я не знаю, что за «отъявленный мерзавец» их нанял. Возможно, их было

даже несколько и они до поры скрывались, опасаясь моего праведного гнева, но потом, устав совершать только хорошие поступки и отчаянно тоскуя по привычному для них образу несправедливой жизни, скинулись, чтобы покончить со мной.

Некоторые нападавшие были явно не из наших мест.

«Неужели специально приехали, чтобы меня убить?» – подумал я и ощутил, как сердце мое переполняет гордость.

Трое из них принадлежали к племени луноликих стервятников, лица их покрывали белила, а оружием служили серпы. Четвертый был местным, я пару раз видел его в таверне возле речной пристани. Парень был могучего телосложения и орудовал цепью.

Тяжелые звенья хлестнули меня по плечу, и я, вскрикнув, отпрыгнул. Это спасло меня от направленного в голову серпа, клинок свистнул в воздухе, не причинив мне никакого вреда. Серпы у них были крупные, острые, с черенком для обеих рук, но держались за черенок они одной рукой. Нападавшие рассыпались полукругом. Позади меня высилась стена одного из домов, деваться мне было некуда – я выхватил меч и замер, разглядывая диковинные белые рожи. Наемники, казалось, не спешили.

– Нам заплатили тридцать монет золотом и двадцать серебром за твое убийство, – сказал здоровяк, вооруженный цепью.

Я присвистнул:

– Целое состояние. Поздравляю, кажется, вы разбогатели.

Могу я узнать, что вы будете делать с деньгами, когда все закончится?

– Нет, – отрезал мой собеседник, – я хотел спросить вот что: нет ли у тебя желания заплатить нам сорок золотых? Тогда мы разошлись бы по-доброму.

– Сорок золотых. – Я сделал вид, что размышляю над его предложением, потом стал загибать пальцы. – Погодите-ка, сорок, значит так, двадцать тут, десять здесь, тут еще пять... Нет, – я энергично покачал головой, – ничем не могу вам помочь.

– Речь идет о твоей жизни, – напомнил здоровяк с цепью.

– Ничего не поделаешь, – беззаботно ответил я, – я уже неоднократно бывал в нескольких шагах от смерти, и знаешь что?

– Что?

– Мне нравится это чувство!

Тут я совершил резкий выпад, парень с цепью неловко взмахнул руками, не успевая закрыться от направленного ему в горло клинка. Хрипя, бедняга повалился назад, а я вступил в поединок с луноликими стервятниками. Несмотря на дикое происхождение, техника владения серпом у них была весьма отточена. Мне удалось ранить одного и занять более выгодное положение, за спиной у меня теперь была не стена, а проулок, так что я получил возможность отступить. Я позволил им атаковать. Бросались они на меня яростно, словно цепные псы, наверное, привыкли к тому, что поеди-

нок всегда завершается быстро – одним рывком. Со мной им пришлось повозиться – двигался я проворно, легко избегал отточенных серпов, отводил выпады клинком, от ответной атаки пока воздерживался. Как я и предполагал, вскоре стервятники выдохлись, удары их стали слабыми, а движения вялыми. Я добил раненого, вонзив меч ему в бок, второму рассек живот и уже собирался покончить с третьим, когда внезапно запнулся о камень мостовой и растянулся во весь рост. В следующее мгновение лезвие серпа было возле моего горла. Стервятник ухмыльнулся во всю размалеванную рожу. «Как глупо, – подумал я, – споткнулся о камень. Вся наша жизнь состоит из таких вот досадных случайностей!» И тут в воздухе что-то свистнуло и ударило стервятника в затылок. Рука убийцы дернулась, оцарапав мне шею, из его рта хлынула кровь. Я резко отпихнул луноликого и вскочил на ноги. Вдоль улицы бежал мой брат Дартруг. В руках он сжимал арбалет, вид у него был самый разъяренный.

– Пределы побери, Дарт, – накинулся он на меня, – ты что, с ума, что ли, сошел?! Устроил тут опять настоящую бойню! Что тут происходит?!

– Хм... ты как раз вовремя. – Я потрогал царапину и поморщился, представив, что еще мгновение – и порез мог быть на пару пальцев глубже, а дышать с перерезанным горлом непросто. – Эти гады хотели меня убить!

Тут я увидел, что один из луноликих стервятников все еще жив, он полз, надеясь скрыться в тени. Дартруг тоже

заметил его, он подбежал к наемнику и, несмотря на мой протестующий окрик, одним резким движением свернул ему шею.

– Ну вот, – сказал я, – и как я теперь узнаю, кто их послал?

– Ты думаешь, их кто-то послал? – удивился Дартруг. – А я подумал, что это просто грабители.

– Какие, к Нижним Пределам, грабители, посмотри повнимательнее, это же луноликие стервятники...

– Хм, действительно стервятники, – удивился Дартруг. – Что же ты раньше не сказал?

– Я же кричал, но ты меня не слушал, подбежал, да и свернул ему шею...

Тут я заметил, что на скулах Дартруга заходили желваки, а глаза сузились и посверкивают. Похоже, он снова начал выходить из себя. Я отлично знал, что его дурное настроение грозит мне многими неприятностями, поэтому поспешил добавить:

– Хотя, ты знаешь, я очень тебе благодарен, наверное, так и следовало поступить.

Не успел я это проговорить, как мир взорвался передо мной ярким фейерверком. Я затряс головой, чувствуя, что каким-то неведомым образом оказался сидящим на мостовой.

– Не шути со мной, Дарт, – прорычал Дартруг и погрозил мне пальцем, – не то я тебе еще не так врежу!

«Ну и псих мой братец, – подумал я, – совершенно не уме-

ет себя контролировать».

– Ты совершенно прав, Дартруг, – откликнулся я, – это я во всем виноват.

– Ты что, надо мной подшучиваешь? – с подозрением спросил он.

– Да ты что, напротив, я очень тебе благодарен, ведь ты меня от смерти спас.

– Ну ладно. – Он немного успокоился. – Пошли, провожу тебя до замка, а то как бы тебя снова кто-нибудь не обидел.

Нет, я не спорю, конечно, приятно, когда тебя опекает старший брат. Жалко только – характер у него такой вспыльчивый, что никогда не знаешь, чего от него ожидать в следующую минуту, и приходится трижды подумать, прежде чем что-нибудь сказать. Подобное положение вещей сильно затрудняет общение, вы не находите?!

Дартруг был старше меня на целых десять лет. Поскольку характером он очень напоминал отца, с Бенедиктом Вейньетом они не ладили. Такое часто случается, если дети слишком похожи на родителей. Свои собственные черты, увиденные в других людях, почему-то сильно раздражают, а наш родитель терпением никогда не отличался.

То, что Дартруг спас меня от верной смерти, я, конечно, не забыл и даже решил для себя, что, когда буду захватывать власть над Белирией, его королевство заберу последним и даже постараюсь потом выделить брату какой-нибудь клочок земли на окраине империи. Хоть он и участвовал в загово-

ре против меня, я буду выше и благороднее. Пусть правит там, проявляя свой дурной характер, лишь бы у него не было возможности вмешиваться в дела моей Белирии...

Я поблагодарил Дартруга за спасение, будучи уверен, что вовсе не мой невыдержанный братец спас меня от смерти, а какие-то высшие силы, заглядывая в дыру в небесном занавесе, решили сохранить меня для великих дел. А Дартруг просто попался им под руку, потому как шлялся неподалеку, вот они и решили направить его на помощь мне.

В своей жизни, как я уже говорил, я неоднократно был в одном шаге от смерти, но она почему-то упорно не желала забирать меня в иной мир. Что это? Простая удача? Счастливая судьба? О нет, ко мне благоволили высшие силы, они берегли меня.

В другой раз я едва не погиб, будучи уже вполне состоявшимся человеком, точнее – состоявшимся главарем шайки разбойников. Веселые пирушки и развлечения ранней юности остались позади. Моя банда тогда неплохо нажилась, ограбив крупный торговый караван. Мы направлялись к небольшой деревушке, принадлежавшей нам почти полностью. Несколько местных жителей сами были отъявленными головорезами, и, если путникам случалось останавливаться здесь на постой, утро они встречали абсолютно голые, уныло бредущие в сторону каких-нибудь более цивилизованных мест.

Я первым заметил скачущий нам наперерез вдоль рощи многочисленный отряд. Судя по всему, это была совсем не королевская стража Гадсмита, а представители конкурирующей группировки. Шли они так, чтобы наверняка отрезать нам путь к отступлению. Я приказал остановиться, оглядываясь кругом. Разумеется, мы могли попробовать уйти (враги превосходили нас численностью почти вдвое), но лошади наши были сильно нагружены добычей, а отказываться от нее очень не хотелось. Это был самый крупный куш за несколько довольно неуспешных месяцев. К тому же не в моих правилах отступить.

– Чего решим? – спросил Глаз. Так парня прозвали за то, что видел он очень зорко, хотя красные от светлого эля гляделки его смотрели по обыкновению на переносицу – у него было косоглазие. – Вооружены они не слабо, – пояснил Глаз, – и, похоже, прямо на нас нацелились, волки позорные.

– К стрельбе, – прокричал я.

– Чего, с лошадей, что ли, слезать будем? – удивился Глаз.

– Будем стрелять с лошадей, – принял я решение, – а потом драться.

– Эй, Дарт, а ты уверен, а? – крикнул один из моих людей. – Их вона скока. Ща нас в капусту порубают. И усе!

– Драться! – коротко откликнулся я, дернул серьгу и потянул из седельной сумки арбалет.

Сидеть на лошади и целиться было и впрямь очень неудобно. Чувствуя опасность, животное волновалось, при-

топывало на месте, прицел гулял, и все же я спустил курок... Арбалетный болт свистнул в воздухе и ударил под подбородок одного из врагов – он откинулся назад. Следом за ним еще несколько разбойников рухнули на землю, пораженные выстрелами моих людей. Один из них – толстый, как ствол столетнего есеня, падая, увлек за собой лошадь.

Перезарядить арбалеты мы уже не успевали.

– Мечи к бою! – заорал я, и мы ринулись на врага.

Мои воины привыкли не думать, если я отдавал приказание. Многочисленные усобицы и борьба за власть, имевшие место в других бандах, нас не касались. Мой авторитет был непререкаем, отчасти потому, что я всегда принимал исключительно мудрые решения, но чаще в той связи, что все мои люди считали: другого такого психа и «не человека» на свете не сыскать.

Я пролетел мимо одного из врагов и рубанул его наотмашь, он вскрикнул и завалился в сторону, запутался в стремях и заскользил по земле. Тут моя лошадка столкнулась с жеребцом, скачущим навстречу. От этого удара я просто вылетел из седла. Лошадка ринулась куда-то, вырвав у меня поводья. Я упал, ударился плечом, но тут же снова вскочил на ноги. Меч я сжимал крепко – никакая сила не заставит меня уронить оружие во время боя. Кажется, меня слегка оглушило. Во всяком случае, звуки яростной сечи до меня доносились словно откуда-то издалека. Картинка тоже прыгала из стороны в сторону, потом качнулась, вставая на место...

Передо мной замахивался кистенем, чтобы ударить им кого-то впереди, широченный громила, спина его вся вымокла от пота. Почувствовав каким-то шестым чувством опасность, он начал разворачиваться. Все происходило будто во сне – медленно и нереально. Я понял, что сейчас тяжелый шар полетит мне в голову, и, не мешкая ни секунды, вонзил острие меча прямо в его потную спину, под левую лопатку. Великан вскрикнул и упал лицом вперед, так и не успев повернуться...

И тут же звуки смертельной сечи вернулись, нахлынули и оглушили меня. Визг стали, дикие вопли, ржание лошадей. На меня налетели два конника, один из них приложил меня пяткой в грудь, и я отлетел назад. Другой ударил сверху, намереваясь перерубить широкой кривой саблей пополам. Я отвел клинок и резанул его по ноге. Всадник вскрикнул и ударил меня слева. Отклонившись, я увлек его в такой глубокий выпад, что он стал крениться с седла. Я поднырнул под его руку с мечом, поймал его за шею и довершил падение. Для верности еще врезал ему рукояткой по голове. Вдруг заметил клинок, направленный мне в голову. Сталь звякнула о вовремя подставленную крестовину. Еще один противник. На этот раз пеший, наверное, его, как и меня, сбили с лошади. Мы немедленно принялись осыпать друг дружку ударами. Он защищался уверенно, но был слишком тяжеловесным и неповоротливым, чтобы противостоять такому опытному фехтовальщику, как я. К тому же меч у моего против-

ника был короче, но существенно тяжелее. Глаза его застилал пот, тяжелыми градинами он катился со лба, мешал уследить за моими стремительными перемещениями. В какой-то миг он потерял меня из виду, и я ткнул его в бок. Он вскрикнул, отшатнулся, неуклюже закрываясь, лезвие чиркнуло его по лицу, а затем я подрубил ему ноги... Услышал шорох. Развернулся. Передо мной был новый враг. Я понял, что не успеваю закрыться, острое меча, направленное мне в грудь, было в каком-то миллиметре. В такие секунды чувствуешь, как что-то внутри тебя обрывается и ты летишь в бесконечную пропасть. Вроде той, в которую меня сбросил карлик. Я уже распрощался с жизнью, и тут моего врага неожиданно сбила с ног тяжелая лошадь, острое, лишь немного порвав камзол, унеслось прочь. Глаз подмигнул мне из седла...

Грабители из моей банды сражались отчаянно. Несмотря на численное превосходство противника, вскоре мы стали теснить их. Я запрыгнул на рыжую кобылку одного из убитых врагов, она как-то очень кстати подвернулась мне во всеобщей суматохе – животное издавало испуганное ржание, пытаясь выбраться из свалки, но повсюду натыкалось на людей с оружием.

Вскоре враги побежали. Я отдал приказ не преследовать их. Позже я понял, как ошибся. Я проявил милосердие и недалёковидность. Два этих качества нередко следуют рука об руку. Конечно же необходимо было догнать и перебить их всех. Известия о моей жестокости навели бы страху на

остальных. Но нет, я предпочел отпустить задумавших с нами разделаться разбойников. И они вконец обнаглели. В течение нескольких последующих месяцев на контролируемые мною земли было совершено несколько набегов, и в конце концов мою немногочисленную шайку принялись теснить с торгового тракта. Я понял, что если и дальше останусь в Гад-смите, то вскоре стану добычей для королевской стражи и закончу свои дни на виселице. Подобная перспектива меня не прельщала.

Откровенно говоря, в те времена я руководствовался в основном смутной надеждой на то, что мой отряд будет постепенно увеличиваться, ко мне будет присоединяться все больше и больше головорезов со всей Белирии, а потом с их помощью я смогу завоевать парочку городов, где объявлю себя королем. Я полагал, что именно этот путь приведет меня к возвышению. Ведь очень многие монархи, прежде чем овладеть обширными землями, прошли именно этой дорогой. Но мои люди, к сожалению, гибли толпами – я заслужил дурную репутацию, и все меньше желающих находилось примкнуть к моей шайке.

Поддержкой в этой среде я явно не пользовался. Это был не мой путь. Зато меня любил простой народ. Я далеко не сразу понял, что с самого начала мне следовало опираться на поддержку народных масс. К любой верной идее надо прийти. Кто-то додумывает ее сразу, а кому-то до того момента, как она окончательно созреет и разовьется в сверхидею, тре-

буется пройти длинный, исполненный лишений и неблагоприятных поступков путь...

Воспоминания мои оборвались. Я увидел дно пропасти, куда меня низвергнул проклятый карлик. Оно приближалось с бешеной скоростью. Я закрыл глаза и что было сил заорал.
– Ой-йо-о-о-о-о-о-о!

... Дорогие мои ученики, не стоит думать, что лучший способ сохранить какую-нибудь вещь на долгие времена – заключить ее в камень: в камне-де она будет находиться в абсолютном покое и безопасности целые века. Учтите, весьма вероятно, что уже очень скоро сыщется среди людей какой-нибудь отчаянный кретин или просто безумец. Кретины обычно действуют решительно, движимые собственными немереными амбициями. Безумец же отыщет эту вещь, даже не заметив того, что она защищена могучим заклятием и сокрыта в камне. Широко известен случай, произошедший с Ксаверием Соконом. Этот почтенный маг заключил в камень бутылку с красным вином, надеясь, что там-то уж оно настоится достаточное количество времени и, отворив камень через несколько десятков лет, он сможет насладиться дивным вкусом крепкого напитка. И что же вы думаете. Первый же год местный ландграф Гондор Поголовеушибленный отыскал этот камень, отворил его, не заметив даже, что имеет дело с могущественной магией, и благополучно вылакал вино Ксаверия Сокона, к пущему огорчению

последнего...

Отрывок из лекции Жанги де Гуацимуса, учителя магических дисциплин в младшей школе просвещенной Миратры

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ней говорится о бесконечной глупости, новом круге Нижних Пределов, а также о том, что порой даже некоторые естественные отправления организма могут обладать магической силой

– Ой-йо-о-о-о-о-о-о!

Я резко оборвал крик, потому что мне показалось, будто падение замедлилось. Что за странная мысль?! Этого просто не может быть! И тем не менее свист в ушах затих, сопротивление воздуха уменьшилось, а дно пропасти больше не несло на меня с пугающей неотвратимостью.

Я всегда придерживался мнения, что магия способна вызывать сильнейшие эмоции даже в самых сдержанных людях. Когда ты уже находишься на краю гибели и вся жизнь проносится у тебя перед глазами, вдруг – бац – выясняется, что сотворивший заклятие вовсе не собирался отправлять тебя на тот свет, а просто послал куда подальше.

Стоит ли говорить, что я необычайно воодушевился. «Ну надо же, какая удача, кажется, и сегодня я тоже не умру!»

Воскрешение из мертвых кого угодно приведет в отличное расположение духа. Я не стал исключением из правил и даже засмеялся от счастья.

Как выяснилось, радость моя была преждевременной. Падение завершилось так же, как многие рабочие дни мойщиков окон в Мэндоме: я врезался в дно пропасти, твердое, как доска железного дерева. Воздух выбило из легких, боль пронзила тело, я прохрипел проклятие всем колдунам на свете и затих без движения. Если бы я упал не в песок, а на камни, можно было бы уже заказывать и примерять саван. А так ничего – просто потомственный принц дома Вейнъет просвистел в раскаленном воздухе и впечатался в почву. Вжи-ы-ы-ык! Буме! Будьте вы все прокляты!

«Не удивлюсь, если я стал плоским, как раскатанное тесто. Плоским людям, наверное, нелегко жить в мире, где все вокруг круглобокие и объемные, – подумал я. – Черт, это еще что за дикая мысль?! Кажется, я схожу с ума... и умираю...»

Несмотря на мрачные мысли, жизнь продолжала теплиться в моем изможденном долгой неволей, ушибленном организме. Я предположил, что, если попробую пошевелиться, что-нибудь жизненно значимое у меня обязательно окажется сломанным.

«Ну нет, лучше уж я буду лежать здесь целую вечность, пока от меня не останется выгнувшийся в последней агонии скелет. И тогда я тоже не стану шевелиться. Скелеты должны

лежать спокойно, размышлять о вечности, вспоминать прожитую жизнь. Еще одна дикая мысль... Что-то в последнее время всякие глупости так и лезут в голову. Похоже, я себе... мозг отбил!»

Полежав некоторое время, я почувствовал, что жить все же чертовски хочется, даже с отбитым мозгом, а значит, пора уже что-нибудь предпринимать для своего спасения.

Я встал на четвереньки и затряс головой. Меня немедленно вырвало непрожеванными кусками хлеба – я глотал его слишком жадно, чтобы он смог перевариться в моем отвыкшем от нормальной еды желудке. В свое оправдание могу сообщить, что такого вкусного хлеба я не пробовал целую вечность. А организму принцев крови просто необходимо время от времени переваривать что-нибудь мучное, а иногда и пенное с хмелевой горечью, иначе у них портится характер и развивается нервное расстройство.

Рвота принесла мне облегчение, зрение прояснилось, и я смог осмотреться. Судя по всему, проклятый карлик послал меня в... какое-то иное измерение.

Кажется, демоны-тюремщики, общаясь между собой, называли измерения Нижних Пределов кругами. Так и буду их называть.

От Внешнего мира и места, где меня держали в заключении, новый круг отличался разительно. Непривычно яркий свет почти лишил меня возможности видеть – каждая песчинка светилась огнем, отражая невидимые лучи. Потом

глаз мой немного привык к нестерпимому сиянию, и я смог различить высокие потолки (можно подумать, я не свалился сверху, а отлепился от неровного, местами выщербленного, землистого купола или даже пролетел сквозь него), коричнево-черные стены и вязкий песок, напоминающий снег высоко в горах. В отличие от холодного снега песок был горячим и даже жгучим. Я отнял ладонь от его сияющей белизны и потряс пальцами – Пределы побери, да он просто обжигал! Если бы я лежал в нем и дальше, то уже очень скоро пропекся бы до хрустящей корочки на радость какому-нибудь местному людоеду – любителю прожаренных бифштексов на кости.

Вспомни врагов рода человеческого – и они тут как тут. Неподалеку кто-то зашевелился. Забыв о боли в «жизненно значимых частях ушибленного организма», я отпрыгнул далеко назад. Неведомое существо издало протяжный стон, и я, к своему удивлению, узнал в нем вовсе не людоеда-убийцу, а виновника моего недавнего падения в пропасть. Горбун находился от меня в каких-нибудь двадцати шагах.

– Ах как славно! – вскричал я и кинулся к карлику, намереваясь хорошенько его отлупить, чтобы впредь неповадно было посылать принцев крови куда подальше.

Но, подбежав ближе, я замедлил шаг, а затем и вовсе остановился в нерешительности, не зная, как мне поступить: вид у карлика был настолько жалкий, что я, признаться, потерял всякое желание его бить...

Думаю, вы тоже не раз оказывались в подобной ситуа-

ции. Вот вы уже связали жертву и точите над ней острый нож, насвистывая веселый мотив, и вдруг что-то происходит – связанный по рукам и ногам субъект кажется вам самым несчастным существом на свете, и тронуть его хотя бы пальцем вам представляется по меньшей мере преступлением. И тогда вы проклинаете свое добросердечие, развязываете пленника и отпускаете его на все четыре стороны.

Что же делает затем ваша жертва? Она преследует вас, старается причинить вам вред и вообще всячески портит вашу жизнь. Вспомнить хотя бы разбойников в Гадсмите, которых я по доброте душевной отпустил на все четыре стороны. Растворившись в преступной среде, они рассказали всем о широте моей благородной души, и несметное число кровожадных негодяев явились теснить меня с моих территорий. Даже моя зловещая репутация их не остановила. Все они утвердились в мысли, что я – человек добрый и, следовательно, слабохарактерный. Переубедить их я уже не успел – слишком малочисленной была моя шайка и слишком серьезной опасность, что не сегодня-завтра нас схватит королевская стража.

Что и говорить, милосердие – вредное чувство для личности, желающей добиться в жизни успеха. А между тем со мной приступ добросердечия случался уже не в первый раз. Такое бывало и прежде. Я отчаянно боролся с любыми его проявлениями и полагал, что давно избавился от этой постыдной черты характера. Новое проявление добросердечия

расстроило меня до глубины души. Казалось бы, я должен был ожесточиться в Нижних Пределах – окаменеть сердцем, но вот вам пожалуйста – не чувствую в себе сил даже просто поколотить пославшего меня в... иное измерение карлика.

Жалкий горбун сидел на песке, вытирал ладошками глаза, а из его длинного носа текли по розовым губам мутно-зеленые сопли. Он всхлипывал и тихонько подвывал, словно нетрезвая собачонка из «города пьяных псов».

– Ты чего?! – проворчал я, поскольку, как уже говорил, абсолютно не знал, как мне поступить в сложившейся ситуации.

«Бить или не бить – вот в чем вопрос!»

– Ы-ы-ы-ы, – завыл карлик еще громче.

Тут я припомнил, что ни разу не слышал от него внятной речи и смысл моих обращений, возможно, попросту до него не доходит. И все же я снова попытался наладить с ним контакт.

«А вдруг карлик знает, как отсюда выбраться на поверхность? Может, он покажет мне дорогу знаками, если совсем не умеет говорить? Проводит меня?..»

– Ты зачем меня сюда послал, а, придурок? – поинтересовался я, стараясь придать голосу немного мягкости.

Я надеялся, что проявление мною доброты поможет ему собрать крупички жалкого интеллекта и ответить хоть что-нибудь внятное.

– Ы-ы-ы-ы, – откликнулся карлик и захлопал носом, по-

сле чего сопли потекли из его ноздрей целыми ручьями, он уже не стирал их тыльной стороной ладошки, как раньше, а сложил ладошку лодочкой и поставил под нос, чтобы там ловить мутные потоки.

– Тьфу ты.

Я с отвращением сплюнул и отвернулся от гадкого замухрышки, испытывая смешанные чувства. Больше всего сейчас мне хотелось развернуться и вклеить карлику звонкую, смачную оплеуху, но я подавил порыв – горбун, судя по его жалкому виду, и сам пострадал от своего неумелого колдовства и переживал сейчас глубокое потрясение. И зачем только некоторые берутся колдовать, если не умеют?! К тому же меня совсем не прельщала перспектива перепачкаться в его зеленых соплях.

Я подумал, что найти в Нижних Пределах кого-нибудь еще, кому можно будет отвесить оплеуху и при этом остаться в живых, я вряд ли смогу, а потому с этим, пожалуй, придется обождать до тех пор, пока не выберусь на поверхность.

Вокруг царила давящая, глубокая тишина. Мне вдруг почудилось, что мы сидим с карликом на ладони громадного демона и ждем, когда он нас прихлопнет. На этом круге было пустынно, даже духи людей и разноплеменной нечисти, казалось, покинули столь зловещее место. Если бы горбун не выл, роняя сопли, то можно было бы, наверное, запросто сойти с ума в белом и ярком безмолвии.

«И все же есть кое-какие плюсы от того, что карлик меня

сюда зашвырнул, – подумал я. – По крайней мере, тут меня будет сложнее найти. Пусть теперь помучаются, строя догадки, куда это я исчез, выбравшись из клетки».

Я выставил к потолку средний палец, демонстрируя Заключителю свое презрение. Этому жесту я научился, как ни стыдно в этом признаваться, от брата Фаира. Правда, этот жест – единственное, что я у него перенял. Фаир утверждал, что «знак среднего пальца» обладает могучей колдовской силой и может в иные жизненные моменты даже играть роль атакующего заклинания. Сам он, впрочем, относился к этому жесту весьма безответственно – пользовался им налево и направо, демонстрируя средний палец простым жителям Мэндрма, учителям, слугам и придворной челяди, а однажды даже показал нашему отцу – королю Бенедикту. Потом, правда, очень сожалел, что поступил столь опрометчиво – сломанная фаланга у него неправильно срослась, и средний палец на правой руке всегда был оскорбительно отставлен в сторону, за что его тоже недолюбливали очень и очень многие...

«Что же, если правда, что „жест среднего пальца“ заключает в себе магическую силу, – подумал я, – надо будет попробовать воспользоваться им при случае. Почему бы и нет».

Неподалеку чернело, контрастно выделяясь на фоне белоснежного песка, несколько входов в пещеры. Недолго думая я направился к ним, заглянул в одну и увидел, что это вовсе

и не пещера, а подземный ход, уводящий куда-то в самые недра земли. Другие «пещеры» также оказались подземными ходами.

Кроме жизни, терять мне было нечего, а ее спасение требовало от меня самых решительных действий, поэтому, оглянувшись напоследок на жалкого карлика, трущего скользкими кулаками глаза, я направился вперед по чем-то приглянувшемуся мне подземному ходу. На сей раз я решил довериться интуиции, потому что разуму, постоянно внушающему мне дикие мысли, я доверять не мог. Заклинатель многократно пытался проникнуть в мою голову. Где гарантия, что он ничего там не повредил?

Вязкий песок сильно затруднял мое продвижение, ход петлял и ветвился, несколько раз я оказывался в обширных залах, подобных тому, в который провалился по воле колдуна-карлика. В каждом зале начиналось несколько новых подземных ходов, в иных – до десяти.

Я стал опасаться, что никогда не выберусь туда, где можно будет раздобыть пищу. Я и раньше предполагал, что Нижние Пределы напоминают огромный подземный лабиринт, но никак не думал, что он настолько обширен и что в нем совсем нет обитателей. Или их нет только в этом круге?

Только однажды мне удалось заметить юркое, покрытое серой слизью и щетинками создание. Оно сидело посреди коридора, но, как только я подошел ближе, бесшумно зарылось в песок, не оставив после себя даже воронки. Это было

единственное напоминание о том, что жизнь на этом круге все же существует. Правда, как только щетинистое создание исчезло, мне стало казаться, что его вовсе и не было, что это мой ушибленный, поврежденный Заклинателем мозг посылает мне странные видения...

Тишина утомляла все больше и больше, она давила на уши, отзывалась в голове мучительным гулом. Я в очередной раз остановился и прислушался к окружающей меня мрачной действительности в надежде уловить хоть какой-нибудь звук и по нему определить, куда мне следует идти. Одному Севе Стиану известно, что за звук я хотел услышать. Призывный рог, зовущий путников к выходу на поверхность? Голос отца, изрекающий: «Я покажу тебе дорогу к возвышению, сынок!»? А может, просто вопль королевского повара «Кушать подано!»?

«Должен же здесь быть хоть кто-то, кому по силам помочь мне выбраться на поверхность, – думал я, – хоть кто-нибудь?»

Ответом мне была та же тишина, одиночество и холодящий душу покой. Хорошо, 'что пока не вечный!

Хотя для кого-то, возможно, и вечный... Может, под этим песком лежат тысячи мертвецов, и через мгновение они все разом вскочат и заорут, разрывая тишину визгливыми, жуткими голосами.

Леденящая кровь картина заставила меня вздрогнуть всем телом. Позади что-то зашуршало – я бы мог поклясть-

ся, что услышал чьи-то осторожные шаги за спиной. Шурк-шурк-шурк – быстро пробежал кто-то, и все стихло. Я прошел еще немного, прислушиваясь, не раздастся ли новый шорох, и вскоре убедился, что за мной действительно кто-то идет. Тогда я прибавил шагу, потом почти побежал... Незвестный спешил за мной. Шурк-шурк-шурк раздавалось все ближе и ближе. Преследователь явно боялся от меня отстать. Я резко обернулся... За каменистым выступом подземного тоннеля, едва не налетев на меня, спрятался сопливый карлик.

– Пределы тебя побери! – выругался я, забыв о том, что мы и так находимся в Нижних Пределах, а для него они вообще дом родной.

Значит, сопливый уродец решил за мной проследить. Интересно зачем? Может, для того, чтобы в нужный момент сообщить своим темным хозяевам, где я укрылся?

Я уже всерьез подумывал о том, чтобы схватить его и с пристрастием допросить, потом вспомнил жалкий вид горе-преследователя и сплюнул от досады.

И как я буду его допрашивать? Такого замухрышку даже запугивать жалко! Не бить же его в самом деле! Скорее всего, он сам не знает, куда пойти, вот и плетется за мной.

Я сделал вид, что не заметил карлика (хотя нос торчал на целую ладонь), и продолжил путешествие по подземному лабиринту. Карлик не отставал. Останавливаясь время от времени, я слышал за спиной его осторожную поступь.

Наконец он мне порядком надоел. Будет еще за мной красться, горбатая сволочь! Спрятавшись в неглубокую нишу в черно-коричневой стене, я решил его подождать, замер без движения и тут же услышал поспешные шаги. Шурк-шурк-шурк. Карлик так спешил и боялся меня потерять, словно я должен был стать его провожатым в мир бесконечной радости. Ну что ж, его ожидало тягчайшее разочарование. Как только из-за каменистого выступа появился хрящеватый нос, я выпрыгнул перед карликом и выкрикнул во весь голос:

– Ты чего за мной идешь?!

Карлик вскрикнул, приложил ручку к груди и рухнул как подкошенный в глубоком обмороке. Склонившись над ним, я сделал вывод, что, пожалуй, несколько перестарался. По большому счету горбун был весьма безобидным существом. Наверное, не сдоило так его пугать.

– Эй, ты! – Я потряс его за плечо. – Очнись, что ли, пугало огородное...

Веки его затрепетали, голубые глаза распахнулись, но тут же снова захлопнулись. Не успев прийти в сознание, он снова вырубился. Наверное, его сильно напугала моя бородатая, кривая морда. Я, конечно, предполагал, что мой теперешний внешний вид может быть отталкивающим, но чтобы настолько... Подумать только, сразу – брык, и в обморок! Пребывая в самых расстроенных чувствах, я покачал головой, отошел в сторонку и присел на песок, ожидая, когда он снова при-

дет в себя. Ждать пришлось недолго. Вскоре карлик открыл правый глаз и приподнял голову. Он глядел на меня с таким ужасом, словно я был не человеком, а кем-то, кто пришел из другого мира, чтобы покарать его за грехи, точу потихоньку лезвие острого серпа и напеваю песенку мертвых. А между тем именно он и был представителем мира мертвых.

– Слушай, ты, – сказал я, – я, конечно, не испытываю к тебе благодарности за то, что ты меня сюда закинул, но и зла тоже не держу. Понимаешь меня?

Он ничего не отвечал, только распахнул левый глаз и теперь смотрел на меня в точности как раньше, когда я сидел в клетке, – во взгляде его читалось пытлиное любопытство.

– Ну чего уставился?! – сердито спросил я, и он поспешно перевел взгляд в сторону.

– Давай знакомиться, раз уж ты нас сюда вместе зашвырнул. – Я приложил руку к груди. – Меня зовут Дарт Вейньет, я – потомственный принц дома Вейньет, король Стерпора, ну и вообще – славный и во всех отношениях замечательный человек. Сейчас, правда, немного не в форме. А ты кто такой?

Он снова вперил в меня пыливый взгляд, но ничего не ответил – то ли не умел говорить, то ли просто не знал, как его зовут.

– Имя у тебя есть?! – проорал я, потому что начал подозревать, что карлик туговат на ухо.

– Я... э-э-э... зовусь Куксоил, – вдруг выдавил он, ткнул

себя в лоб и криво улыбнулся, оказалось, что зубов у него совсем мало, да и те черные и растут вразнобой – парочка сильно выдавалась вперед.

– Так ты все-таки говоришь! – Я усмехнулся и погрозил ему пальцем. – Чего же раньше молчал?

– Не-э-э-э понял, – ответил Куксоил, и на лице его отразилась мучительная работа мозга, он снова ткнул себя в лоб – наверное, пытался таким образом расшевелить тугие извилины.

– Я думал, ты не говоришь, – пояснил я, – а ты, оказывается, умеешь...

– Чего-о-о? – с подозрением спросил он.

– Ну, говорить, понимаешь, умеешь..

– Не-э-э-э понял...

– Ну чего ты не понял?! Я думал – ты не говоришь, а ты можешь...

– Не-э-э-э понял...

– Все, забудь. – Я сощурился, стараясь ничем не выдать вновь охватившее меня желание отвесить ему хорошую оплеуху. – Все нормально, все в порядке... Говоришь – вот и славно. А в остальном жаль тебя, конечно.

– Не-э-э-э понял...

– Скажи лучше мне вот что. Ты нас сюда так ловко зашвырнул, может, ты нас можешь и на поверхность забросить?..

Поскольку карлик вытаращился на меня с явным недо-

умением, я осознал, что требуются некоторые уточнения, присел на корточки и принялся водить пальцем по песку:

– Ну, там травка зеленая, вот такая, деревца растут, вот они, видишь, небо голубое, тучки такие славные над головой плывут, солнышко светит...

Куксоил замер, при виде моего рисунка он испытал нечто похожее на священный ужас. После того как я пририсовал к солнечному диску несколько длинных лучиков, он отшатнулся от изображения на песке, прикрыл глаза ладошкой и издал протяжный стон.

– Понятно, – вздохнул я.

– Не-э-э-э понял, – выдавил в ответ карлик, раздвинул пальцы и осторожно посмотрел между ними.

Поскольку беседа у нас явно не заладилась, я испытал сильное разочарование, смахнул рукой «Внешний мир» и поднялся на ноги.

– Жаль, – сказал я, – а мог бы стать состоятельным гражданином, почетным гражданином Стерпора на пожизненном социальном обеспечении, и тачку бы толкать не пришлось.

Я пожал плечами – мол, о чем с тобой еще говорить, – и двинулся дальше по подземному лабиринту, может, выведет меня куда-нибудь.

Карлик вдруг разволновался, догнал меня и, схватив за плечо, резко повернул к себе:

– Не-э-э-э надо туда... э-э-э... ходить, Куксоил знает...

– Это еще почему? – спросил я, хотя в принципе уже ожи-

дал, что именно услышу в ответ.

– Не-э-э-э по... – начал он.

– А ну заткнись! – раздраженно перебил я его. – Ты же вообще ничего не понимаешь, то есть совсем ничего. Откуда ты знаешь: можно туда ходить, нельзя туда ходить? Ты просто не можешь этого знать, потому что ты ТУПОЙ! ТУПОЙ! Повторяю по буквам – Т-У-П-О-Й! Понимаешь?

– Не-э-э-э понял, – скорбно ответил он и собирался было развести руками, но ладошки ударились о стены подземного коридора, и Куксоил, поскуливая, принялся потирать их.

Я уже собирался развернуться и отправиться в другую сторону, когда карлик вдруг сделал над собой титаническое усилие и почти внятно произнес:

– Там... э-э-э... пещера охе-э-эранителей...

– Охера... кого?

– Охе-э-эранителей, – пояснил он и закивал так, что мне показалось – сейчас у него голова оторвется.

– Охранителей чего? – спросил я.

Но, должно быть, выдавить из себя еще несколько слов было выше его сил, и он это чувствовал, поэтому только тяжело вздохнул и, пребывая почти в истерике, бешено замотал головой, на сей раз из стороны в сторону.

– Ну что ж, вот я сейчас и посмотрю, что там за охранители, – сказал я и решительным шагом направился дальше по подземному ходу, протестующее мычание и скулеж карлика сопровождали меня.

Он продолжал следовать за мной, только теперь больше не прятался, а семенял рядом, за что я его даже похвалил и похлопал по плечу:

– Пойдешь со мной посмотреть на твоих охеранителей? Ну молодец! Не понял? Ну ничего. Не понял, и ничего. Я уже привык к твоей тупости...

– Не надо... э-э-э... туда, – продолжал настаивать Куксоил, он хмурил кустистые брови и поминутно плевался.

– Отстань, назойливый, – попросил я, – ты что, не видишь, я уже принял решение – обязательно посмотрю, что это за охранители, а если я что-то решил, то никогда не отступлюсь. Потому что я Дарт Вейньет. Понял, надеюсь? Можешь не отвечать, – поспешно уточнил я, потому что он уже открыл рот, намереваясь произнести коронную фразу...

Так мы шли довольно долго, пока стены подземного хода не окрасились в красноватые тона. Затем впереди послышался отчетливый звук чьей-то тяжелой поступи. Я приложил палец к губам и сделал знак Куксоилу, чтобы он прилег и не маячил. Упрашивать долго его не пришлось – карлик тут же рухнул в песок, словно пустой джутовый мешок, и застыл, закрыв голову руками. Я с трудом растолкал его и заставил ползти вперед. Остаток пути до пещеры охранителей мы проделали на пузе. С единственной рукой ползти мне было довольно трудно (я бы даже сказал несподручно), и все же с поставленной задачей я справлялся куда лучше горбатого Куксоила. Карлик поминутно кряхтел и фыркал,

потому что крупинки песка попадали в крупные лохматые ноздри его выдающегося шнобеля. К тому же от страха его стал колотить озноб. Пару раз мне пришлось схватить его за ногу – он намеревался бросить меня одного, развернуться и пуститься наутек. Вскоре мы вылезли к весьма обширной пещере, из-за небольшого холмика песка открывался неплохой вид на то, что происходило внутри.

Охранителей было двое. Ярко-золотые демоны – таких видеть мне еще не приходилось, – они ни секунды не стояли на месте, а постоянно маршировали из угла в угол, из угла в угол., из угла в угол, меряя пещеру тяжелыми шагами. Насколько я успел заметить, из вооружения у них были только увесистые кулаки, но зато самых внушительных размеров, к тому же украшенные на костяшках острыми шипами. Посредине пещеры высилась каменная глыба в полтора человеческих роста.

– Они что, этот булыжник охраняют? – спросил я у Куксоила.

Когда мне надоело ожидать ответа, я пнул карлика в бок, и он энергично закивал.

– Отлично, – прошептал я, – спасибо за быстрое и внятное объяснение. Если мне что-нибудь еще понадобится узнать – я в курсе, к кому обратиться.

Я подумал, что спрашивать у него, что же такого ценного в охраняемом демонами булыжнике, занятие явно неблагодарное. Вряд ли он ответит быстро, возможно, мне придется

ожидать, пока он сообразит, что я имею в виду, целые сутки, а может, и пару суток. Поэтому я просто решил для себя, что камень – вещь очень ценная и не исключено, что он поможет мне выбраться из Нижних Пределов. А значит, я должен во что бы то ни стало добраться до него, даже если мне придется вступить с этими демонами врукопашную.

Опять вспомнил о руках и представил, как душу проклятого Кевлара, сделавшего меня калекой, единственной левой...

Мне вдруг показалось, что камень налился кроваво-красным. Я моргнул, и наваждение пропало. Это было уже нечто странное. Камешек явно обладал магической силой. Вызываемые им галлюцинации внушили мне некоторый трепет и еще большие надежды, что он станет моим пропуском во Внешний мир.

– Значится так, – сказал я карлику. – Пришла тебе пора, Куксоил, сделать кое-что полезное для Белирии, сейчас тебе надо будет привлечь внимание охранителей. Ну, там, руками помашешь, покричишь, а потом тикай отсюда, они побегут за тобой, а я пока разберусь с камнем, погляжу, что в нем такого полезного для нас обоих. Уяснил?

– Не-э-э-э понял, – замотал головой карлик, лицо его вытянулось, а водянистые глазки воровато забегали, и я сделал вывод, что ему все прекрасно ясно, просто очень не хочется привлекать внимание двух здоровенных охранителей к своей скромной горбатой персоне.

– Надо, Куксоил, – я качнул головой, – понимаю твои чувства, но надо! Верь, Белирия тебя не забудет...

Он сильно сопротивлялся, но я так пихнул его коленом, что он кубарем покатился по песку и оказался лицом к лицу, а точнее – мордой к морде с огромными охранителями. Глядя на то, как его жалкая, горбатая фигурка под взглядом красных глаз демонов все больше скукоживается-складывается почти вдвое, я ощутил нечто похожее на угрызения совести, но потом все трое резко пришли в движение, и я тут же забыл о трепетных чувствах. Карлик мелькнул мимо меня со скоростью метеора. Я почти его не видел, только горбатый силуэт и работающие словно мельничные лопасти в бурю ноги. Следом за ним, тяжело топая, побежали охранители.

– Ничего себе чешет, – пробормотал я, пораженный способностями Куксоила, – его бы на состязания бегунов-цены бы ему не было.

Я повертел головой, убедился, что демоны скрылись за поворотом, и, осторожно ступая, поспешил к высокому камню.

«Сейчас выясним, что он такое...»

Для начала я постучал по камешку костяшками пальцев, но ничего необычного не произошло. Камень представлял собой цельный кусок скальной породы, хотя и был весьма гладким, словно над ним поработали морские волны. Я обошел его кругом, но опять же ничего необычного не заметил. Тогда я разбежался и ударил в камень ногой, но он даже не

шелохнулся, зато я сильно отбил большой палец и заскакал на месте, проклиная чертов булыжник. Что я только не делал, чтобы как-то задействовать таинственные силы камня. Я даже лизал его серую поверхность, бился в нее головой, а напоследок, отчаявшись вконец, взял да и помочился на камень. Оказалось, именно то, что нужно. Внутри камня вдруг громко хрустнуло, появился длинный разлом, и в него с шипением посыпались крупные угли, я едва успел отскочить в сторону, чтобы не попасть под их стремительный град.

Вместе с углями из трещины выкатился какой-то продолговатый предмет. На всякий случай я отступил подальше – никогда не знаешь, чего ждать от незнакомых предметов, в особенности если ты находишься в Нижних Пределах. Я даже всерьез подумывал о том, чтобы немедленно пуститься наутек, но потом пригляделся и понял, что это всего лишь амфора с причудливо выгнутой тонкой ручкой.

В камне раздался громкий гул, он все нарастал и нарастал, потом треснувший булыжник мелко задрожал, опасно накренился в мою сторону и вдруг с грохотом разлетелся на куски. Причем один из обломков просвистел рядом с моей головой, я даже ощутил предательскую легкость в ногах и шумно сглотнул слюну. Чуть правее – и камешек, летящий со скоростью пущенного из пращи снаряда, размозжил бы мне черепушку.

Теперь можно было наконец ознакомиться с таинственным предметом. Я приблизился и пошевелил амфору ногой.

К моему удивлению, она оказалась холодной, словно не лежала среди пылающих углей, а была замурована во льду. Тогда я поднял амфору и тщательно осмотрел – снаружи она не выглядела сколько-нибудь примечательной – обычная старая облупленная рухлядь, а вот замазанная сургучом зеленоватая пробка с витиеватой печатью поверх сургуча показалась мне весьма любопытной. Я попробовал поковырять печать пальцем, но тут же отдернул руку – пробка в отличие от кувшина была раскалена почти добела. Это навело меня на самые мрачные предчувствия – внутри могло находиться все что угодно, и это что-то вряд ли пришло из Внешнего мира. Я бросил амфору на песок и собрался бежать прочь, пока ничего страшного больше не случилось, но тут же подумал: «А что, если в этой холодной амфоре заключено мое избавление, мой пропуск во Внешний мир, что, если кто-то специально направил меня сюда, в пещеру охранителей, чтобы спасти, а я сейчас пройду мимо единственного шанса. И тогда непременно буду пойман и посажен обратно в клетку, откуда не выберусь уже никогда».

Я решительно подошел к амфоре, схватил с земли продолговатый камень – один из кусков развалившегося монумента, и принялся ковырять сургучную печать на пробке. Камень раскалился докрасна. Я замотал его у основания куском лохмотьев и продолжил вскрытие амфоры.

Чего я ожидал, когда срывал пробку, сказать не могу, но результат оказался ошеломляющим. Послышался хлопок, и

внутри диковинного сосуда со свистом стал затягиваться воздух, снова послышался какой-то гул, причем доносился он не только изнутри амфоры, но и отовсюду вокруг. Я ощутил, как она забилась у меня в пальцах. Тут, признаться, я сильно струхнул и пожалел, что решил вскрыть древнюю посудину. Я отбросил ее в сторону, словно гадкое насекомое. Амфора запрыгала по песку. Гул, шедший из ее недр, стал невыносимо громким. Я уже собирался бежать по подземному лабиринту, когда из амфоры вдруг вырвалось нечто. Громадная тень легла на стены пещеры, вокруг заметно потемнело, и через мгновение передо мной возник демон самого жуткого и устрашающего вида из всех, что мне приходилось видеть. Демоны-охранители со своей позолоченной огранкой рядом с ним были просто напомаженными придворными франтами. У выбравшегося из амфоры монстра было агрессивное до лютой выражение широченной морды, зубы не помещались в кривом рту и торчали вразнобой железными клыками, нос представлял собой две длинные уродливые ноздри и почти плоскую переносицу, маленькие глазки пылали желтым светом. Фигура у него была самая что ни есть могучая – мускулистые лапы свисали почти до колен, торс переплетали тугие узлы мышц, а голова переходила в плечи почти отлого – шея у него не была предусмотрена вовсе. Ко всему прочему демон вдруг потянулся к потолку, становясь все выше ростом, отчего все суставы в его могучем теле громко захрустели.

– Ох и затекло тельце, – прырчал он.

Я стоял ни жив ни мертв, благоразумно сохраняя молчание.

«Ничего себе тельце, – пронеслось в голове, – целое телище». Сейчас я думал только о том, как хорошо было бы вдруг стать совсем невидимым, и проклинал свою дурацкую рассудительность – скажите на милость, ну кто еще, кроме меня, мог додуматься до того, чтобы свернуть пробку с этой древней посуды? Нет, очевидно, мой мозг все же повредился! Разве стал бы я, пребывая в здравом рассудке, мочиться на магические булыжники, ковырять колдовские печати? Ответ – нет, не стал бы.

Демон вдруг уставился на меня в упор, и я ощутил, что на деле значит выражение – прошиб холодный пот. Ледяные капли выступили у меня на лбу, покатались по спине, собрались в сжатой в кулак ладони и закапали из нее в белый песок.

– Ну и тупой же ты, человек, – сказал монстр, оскалив железные зубы, – ну и тупой...

– Почему? – мягко поинтересовался я, стараясь ничем не вызвать его раздражения.

– Ну как же... Я тебе сигналю оттуда, сигналю, мол, здесь я, я здесь – твое спасение, я здесь – твоя судьба, а ты все кидаешься куда-то, то темницу мою отшвырнешь в сторону, то бежать кинешься, а потом все же вернешься. Пугливый ты какой-то. И суетливый. Ну и тупой, конечно, тоже.

Я промолчал. Хотя ответить ой как хотелось. Что-нибудь резкое. Язык так и чесался... Но я сдерживался. Все сдерживался и сдерживался, а потом вдруг резко выпалил:

– Сам ты – тупая скотина!

Но ни единого звука не донеслось из раскрытого рта. Будто бы кто-то добрый ко мне не позволил мне в это мгновение минутного порыва покончить с собой, а скорее всего, от страха я просто потерял дар речи. Слышал, что такое бывает, но со мной, честное слово, случилось впервые. Наверное, сказался стресс длительного полуголодного заключения. Так и стоял я с распахнутым ртом и выглядел, должно быть, очень глупо, потом откуда-то изнутри поднялся и прозвучал жалкий писк.

– И-и-и, – выдавил я.

Сам-то я знал, что это и означало – «Сам ты тупая скотина!», но демон никак не мог до этого додуматься. И все-таки что-то вдруг вызвало его раздражение – он сжал кулаки и морда его вся собралась в зверскую, пугающую гримасу.

– Кто-то сейчас умрет! – прорычал он вдруг так грозно, что у меня волосы зашевелились, и не только на голове, но и на всех уцелевших частях тела, и даже брови мои, кажется, встали дыбом. Я осторожно потрогал одну и убедился, что ощущения мои были верными.

– Надеюсь, ты это... не про меня, – сказал я, пытаюсь подавить предательскую дрожь в голосе.

– Ты-то тут при чем?! – Демон смерил меня холодным

взглядом. – Нет, умрет тот, кто меня сюда упрятал...

– Рад слышать... – Я шумно выдохнул.

– Что рад слышать? Что меня сюда засадили? – насторожился демон, верхняя губа его приподнялась, обнажая железные клыки.

– Нет, нет, вовсе не этому, – поспешил я заверить его, – рад слышать, что ты расправишься с этим негодяем...

– А, – успокоилось страшилище, – ну тогда ладно... Да, кстати, пока я там сидел, дал себе зарок выполнить одно желание для того, кто меня освободит...

– Да?! – обрадовался я, мигом смекнув, что предчувствия меня не обманули и я, похоже, выберусь в ближайшее время на поверхность.

– Но потом подумал: нет, слишком долго мой спаситель не приходит...

– Да-а?! – протянул я.

– Я решил, – прорычал демон, ударив себя кулаком в грудь, – что убью того, кто меня освободит!

– Да?! – Я отшатнулся.

– Но потом тоже передумал, – сообщил он, – и решил: нет, так не годится, надо все-таки выполнить одно желание...

– Вот это правильно, – сказал я, вытирая со лба почти закипевший от испытанного напряжения пот, – даже не могу сказать тебе, насколько пра... правильно ты поступаешь...

– Любое желание, – продолжил демон, – скажи только громко: Ваакхмерит, демон-истребитель, явись – и я тут как

тут, по твоему зову.

– Так ты Ваакхмерит?! – вырвалось у меня.

Я мгновенно вспомнил лабораторию темных заклинателей и маленького кривоного демона по имени Дундель и по прозвищу Щелчок, который говорил, что теперь он стал истребителем вместо Ваакхмерита. У меня замечательная память на имена. Раз услышав имя, я уже никогда его не забуду.

– Что, приходилось слышать? – насторожился монстр.

– Ну конечно, я слышал, – широко улыбнулся я, даже не представляя, что сейчас последует, – о тебе упоминал твой преемник... э-э-э... его зовут Щелчок.

– Щелчок?! – взревел Ваакхмерит, мгновенно подобравшись. – Такая мелкая нескладная сволочь со здоровенными пальцами?

– Да, – согласился я, – наверное, это он.

– Где он, где он, где он?! – Демон придвинулся и ухватил меня за остатки воротника, которые немедленно с треском оторвались, а я подумал: тяжело иметь дело с потусторонними тварями, когда у них с нервами не в порядке. Когда-то мои лохмотья были нарядом короля, а теперь всякая демоническая сволочь отрывает лоскуты от моей одежды. Если так дальше пойдет, скоро я буду разгуливать по Нижним Пределам совсем голый.

– Да я, собственно, не знаю, – с трудом ответил я, потому что дышать возле его источающей жуткий смрад морды не представлялось возможным, – я его и видел-то всего один

раз. Он утверждал, будто он твой преемник.

– Преемник! – Демон сплюнул сгусток огня, взорвавшийся в песке фиолетовыми искрами. – Он-то меня сюда и упрятал, договорился с колдуном Оссианом. Ну они меня и разделали в орех, сунули в эту бутылку, будь она неладна. – Ваакхмерит поднял ногу, намереваясь расколотить свою темницу, потом вдруг передумал и отодвинулся от нее подальше. – Ну да ладно, теперь ему несдобровать, я ему покажу, как истребителей изводить... Да я его по стенке размажу! Да я его выпотрошу! Да я его вот так вот, и еще вот так! – Ваакхмерит забегал по пещере, ожесточенно топая ногами и расшвыривая в стороны песок. – Да я ему... Да он у меня...

Я деликатно молчал, пока демон выражал накопившиеся за время долгого сидения в амфоре эмоции.

– Кстати, – спросил он неожиданно, – а ты чего тут делаешь?

– Где?

– В Нижних Пределах, – пояснил демон, – ты ж вроде как человек, хотя и не похож – выглядишь омерзительно.

– Спасибо. – Я поморщился – каждый встречный и поперечный считает своим долгом напомнить о моей внешности. – Я здесь потому, что у меня неприятности.

– Ну так давай я тебя на поверхность вытащу, – предложил Ваакхмерит, – это и будет твоим желанием. Так как?

Я обрадовался и закивал, собираясь сказать ему, что именно об этом я и думал и что это будет самым лучшим, что

он может для меня сделать... Но в это мгновение в отдалении послышался шорох, что-то грохнуло уже ближе, потом воздух загустел, и в пещере нарисовался собственной персоной Дундель по прозвищу Щелчок, такой же кривоногий и нескладный, как и в тот единственный раз, когда мы встретились в лаборатории темных заклинателей. Щелчок почесывал круглое пузо и суетливо оглядывался кругом...

– Ой мамочки мои! – охнул он, увидев демона-истребителя, и мгновенно растворился.

От него остался только туманный силуэт, но и он затем исчез.

– А-а-а, – бешено взревел Ваакхмерит и пропал следом за Щелчком, словно меня и нашего разговора и в помине не было.

– Эй, – крикнул я, – а как же насчет наверх? Эй, а...

Ответом мне была тишина. Поскольку события разворачивались слишком стремительно, я почувствовал легкую дурноту – недомогание, вызванное мгновенным разрушением надежд. Я уже почти был наверху, появившись маленький демон чуть позже – и очень скоро я бы уже ощущал, как мою сухую кожу ласкают лучи солнца или серебрит луна.

Тут мне в голову пришло, что Щелчок, возможно, был одним из тех, кто разыскивал меня, чтобы снова упрятать за решетку, и я решил, что пора убираться из этой опасной пещеры, но опоздал...

Я побежал к подземному коридору, откуда мы пришли с

Куксоилом, но тут до меня донесся отчетливый звук ритмичных шагов, и навстречу мне из-за поворота шагнули два золотистых демона-охранителя. У одного из них на плече безвольно висел карлик с разбитым, синим от побоев лицом.

Увидев меня и разбросанные повсюду обломки каменной реликвии, охранитель швырнул Куксоила в песок, и морда его стала исключительно свирепой. Он пошел на меня тяжелой поступью, ступни его оставляли в песке глубокие следы, зубы издавали скрежет, а ладони сжимались в большие шипастые кулаки и снова разжимались.

– Он сам сломался, – услышал я свой голос словно со стороны, – я только потрогать хотел...

Демонов мои признания не тронули, они продолжали надвигаться с таким угрожающим видом, что я немедленно осознал: дела мои обстоят хуже некуда – сейчас эти злобные великаны будут выколачивать меня из телесной оболочки. А потом, когда все будет кончено, положат выдубленную шкурку на просушку в белый песок, чтобы затем – когда она приобретет самый отталкивающий вид, предъявить своему темному господину доказательство того, что злоумышленник уничтожен...

– Ну ничего себе! Вот это да! – закричал я и ткнул указательным пальцем за их спины.

В общем-то я и не надеялся, что мой идиотский трюк может сработать. А он и не сработал. Кулак демона-охранителя со свистом рассек воздух...

Доктор Просперо, веры
в людях не стало. Веры!
Только холера, доктор Просперо,
и запах серы, и сера...

А эти люди, доктор Просперо,
в мантиях, доктор Просперо,
те, что сжигают, доктор Просперо,
нищих в лохмотьях серых?!

Боже! Какое ужасное время!
Полночь, доктор Просперо.
Только холера, доктор Просперо.
В людях не стало веры.

*Одно из стихотворений придворного белирианского поэта
Андерия Стишеплетта, написанное им в самый разгар
алкогольного делирия*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

**В ней повествуется о том, что
ушибленный мозг начинает
все больше подводить нашего
героя и что даже в толстом и
уродливом демоническом теле
может скрываться нежная,
поэтическая душа и вольный,
способный на подвиги разум**

Кулак демона-охранителя со свистом рассек воздух... Здоровяк намеревался разом покончить со мной, и все бы у него получилось, попади он своей бронированной конечностью точно по мне, но его ожидало жестокое разочарование. Я с детства обладал отличной реакцией, движения мои были координированными и четкими. А потому я ловко поднырнул под ощерившуюся шипами лапу, прокатился по песку, и пальцы мои сами собой легли на массивный булыжник. Охранитель потерял меня на мгновение из виду, развернулся... Пущенная моей единственной левой каменюка угодила ему точно в середину лба.

– Получай! – торжествующе вскричал я.

Демон затряс головой – должно быть, потерял ориентацию в пространстве, уродливая скотина. Придя в себя, он потрогал лапой быстро растущую шишку и оглушительно взревел. Ощущение было такое, будто я вдруг попал в самый эпицентр звукового шторма. К тому же проклятый охранитель всего меня с головы до ног обдал брызгами зловонной слюны.

У меня никогда не вызывали симпатии люди, которые во время разговора, особенно на букве «п», имеют обыкновение тебя оплевывать. Знал я одного такого типа, герцога, между прочим, правда, герцогство его было настолько незначительным, что и на картах не значилось. Звали его Бронислаф Хиленький. Его сторонились даже придворные, жена старалась встречаться с ним как можно реже и не пускала по вечерам в свою опочивальню, а родная бабушка называла его не иначе как «наш плевака». Но демон превзошел даже его – если бы сто Бронислафов встали вокруг и дружно сказали что-нибудь вроде: «Попрошу поприветствовать пятьдесят простых поваров и простую повариху», то и тогда я не чувствовал бы себя настолько обслюнявленным...

Я провел ладонью по лицу, стирая зловонную влагу, и с отвращением стряхнул слюну на песок.

Второй демон протопал мимо своего товарища, ухватил меня за предплечье, прижал к стене, так что кости мои затрещали, и размахнулся, собираясь нанести мне сокрушитель-

ный удар в голову. Но охранитель с шишкой на лбу оттолкнул его и, подняв меня на вытянутых руках, вознамерился сломать о колено. Я уже приготовился к неминуемой смерти, зажмурил глаз и заорал что было сил, но осуществить задуманное злодею тоже не удалось. Раздосадованный тем, что у него отняли добычу, второй демон снова вырвал меня из лап приятеля...

Затем началось что-то и вовсе не вообразимое. Могу сказать, что мне очень скоро стало так нехорошо, что я совершенно перестал ориентироваться. И уже не мог с точностью сказать, где находится потолок, а где пол и насколько высоко над полом я нахожусь в тот или иной момент. Демоны отнимали меня друг у друга, рыча и толкаясь, словно капризные дети. Я переходил из лап в лапы, вертелся в воздухе, летал туда и обратно, вверх и вниз с немыслимой скоростью. Я чувствовал себя детской игрушкой в руках невротичных, больных детей, заплеванным с головы до ног тряпичным человечком. Я оглох, ослеп и почти свихнулся от ужаса. Я орал, причем так громко, что умудрялся порой перекричать надсадный рев охранителей. Демоны крутили меня и подбрасывали легко, словно я совсем ничего не весил. Кости мои трещали и отдавались болью. Мне казалось, что меня разрывают на куски. И хотя положение мое было почти безвыходным, в отличие от тряпичной куклы у меня были острые зубы, закаленные многочасовыми тренировками мышцы и бесконечная воля к жизни – в любой схватке, даже против двух гро-

мадных демонов, я испытывал только одно – желание победить.

Улучив момент, я вывернулся и рванул один из толстых, корявых пальцев на себя. Вышло очень удачно – палец с хрустом сломался. Охранитель взревел и швырнул меня на песок. Почти оглушенный, я все же успел увернуться от опускающейся мне на голову гигантской ступни. Вскочил на ноги, отклонился в сторону, и бронированный кулак врезался в стену. Я запрыгал, словно кулачный боец на ярмарке, размахивая перед собой единственной рукой и угрожающе скалясь.

Дело было вовсе не в том, что я собирался таким образом напугать титанов, – просто к тому времени демоны сильно встряхнули мои ушибленные мозги, я несколько свихнулся от всего происходящего и попросту не понимал, кто передо мной и где я, собственно, нахожусь. Правда, продолжалось это всего мгновение. Затем охранители сцепились друг с дружкой в яростном споре, кто из них меня прикончит. Я пришел в себя, прекратил прыгать и прижался к стене.

Я просто стоял у стены и ждал, чем закончится их яростная перебранка... А что еще мне оставалось делать? Ясно, что против здоровенных демонов долго не выстоять. Весь вопрос теперь заключается в том, кто из них окажется проворнее и первым оторвет мне голову. Я вращал единственным глазом и терзал бороду, не зная, что же такое мне предпринять, чтобы остаться в живых. «Если бы здесь был еще один

монолит, – думал я, – я мог бы и на него помочиться, чтобы он взорвался и обдал их кучей каменных обломков. Да, Пределы возьми, я готов сейчас помочиться на все каменные монолиты в мире!» Но больше магических камней в пещере не было... Ситуация выглядела совершенно безвыходной. Пребывая в отчаянии и на последней стадии нервного истощения, я затопал ногами и закричал. Своими воплями я привлек внимание демонов. Толкаясь, они двинулись ко мне.

– Он мой! – прорычал охранитель с шишкой.

– Нет, он мой, я тебе сказал!

– Мой! Мой! Мой! И не спорь со мной!

И вдруг откуда-то издалека послышался уже знакомый мне стремительно нарастающий гул, затем в пещере заметно потемнело, и прямо перед моим носом возник Дундель по прозвищу Щелчок. Охранители оказались за спиной маленького кривоногого демона, он стал живой преградой между мной и решительно настроенными убийцами, но сам пока этого не замечал.

– Фуф, еле добрался сюда снова, – сказал Щелчок, – ну и занесло же тебя. Ты мне о-очень нужен. Ищу тебя, понимаешь, ищу... А тут всякие нехорошие вещи происходят.

– А зачем я тебе? – отползая по стене подальше от охранителей, с подозрением прохрипел я. – Мне и тут хорошо, очень хорошо... МНЕ ТУТ ПРОСТО ЗДОРОВО! – Последние слова я выкрикнул и подумал, что, похоже, переоценил свои интеллектуальные возможности и все-таки сошел с ума.

Грустно было это осознавать, чертовски грустно! По щеке моей побежала слеза.

– А-а-а! – бешено завопил я. – Не хочу быть сумасшедшим! – Потом резко замолчал и уставился за спину Дунделя. – Они здесь, и они тебя сейчас схватят!

– М-да, – озадачился маленький демон, – спятил, а жаль. Ведь на самом деле я хотел... – Он поднял вверх огромный указательный палец, собираясь мне что-то объяснить...

Громоподобный рев огласил пещеру, и, вздрогнув всем своим маленьким, тщедушным телом, Дундель обернулся. Кошмарные охранители, каждый из которых был больше его в несколько раз, скалили зубы и тянули к нему покрытые шипами конечности. Щелчок мгновенно осознал, что обстановка для общения сложилась самая неблагоприятная, охнул и исчез...

Я хрипло захохотал. Потом отвесил себе хорошую оплеуху и громко проговорил:

– Есть кроме Куксоила и еще кое-кто в Нижних Пределах, кому можно отвешивать пощечины совершенно безнаказанно! Есть! Это я. А-ха-ха-ха-ха! Я! Я! Я! Я!

Демоны кинулись ко мне, но на том самом месте, где только что стоял Дундель, внезапно появился яростный Ваакхмерит, весь окруженный языками фиолетового пламени. Его массивное тело и исходящий от него невыносимый жар снова преградили охранителям путь. Могу поклясться, их отвратительные морды в это мгновение отразили искреннюю

озадаченность, а я снова захохотал.

Мозг уже совсем отказывался мне подчиняться, переходя постепенно к самостоятельной жизни. Хорошо хоть, что он охвачен не злой волей Заклинателя, а обыкновенным умопомешательством. Я смеялся и смеялся, держался рукой за живот и никак не мог успокоиться.

Языки пламени вокруг демона-истребителя померкли, а затем и вовсе исчезли, оставив на белом песке черные следы гари.

– Веселишься? – бросил Ваакхмерит, сощурившись, его железные зубы издали противный скрежет. – Мелкая сволочь была тут?

Я прекратил хохотать, закашлялся и утвердительно затряс головой:

– Я думаю, что тут все – мелкие сволочи, все до одного... Включая меня самого! Ты знаешь хотя бы, что я могу самому себе безнаказанно отвешивать оплеухи? Вот смотри. – Я звонко шлепнул себя по щеке. – А? Как?

– Похоже, ты не в себе. – Демон-истребитель посмотрел на меня как-то странно. – Надо бы тебе, наверное, отдохнуть. Со мной было, помню, раз такое, меня тогда вызывали в женский монастырь чуть ли не каждый день, совершенно задержали. Нравилась им, видишь ли, моя мускулатура. Мать-настоятельница – та еще штучка, жаль, охранительный знак умело чертила. Нельзя так часто работать, нельзя, да уж я тогда...

Он открыл пасть, собираясь, как и Щелчок давеча, поведать мне что-то крайне занимательное, но тут один из охранителей невежливо пихнул Ваакхмерита бронированным кулаком в спину. Демон-истребитель выпятил вперед челюсть, пошевелил ею, словно раздумывал о чем-то, медленно повернул голову, поглядел через плечо и вдруг, развернувшись всем телом, разразился торжествующим смехом, от которого у меня мурашки побежали по телу.

– Бог меня побери! – проревел он. – Ну привет, гаденыши! Что?! Думали, я никогда уже из камушка не выберусь? ан все не так вышло! Не по-вашему! Ваакхмерит еще вас всех похоронит! Все-э-эх!!!

Последние его слова не внушали надежд на счастливое разрешение всей этой истории. Интересно было бы узнать: это протяжное «всех» действительно относилось ко всем или же это просто фигура речи, благодаря которой демон хотел придать больше веса своим словам. Уроки придворного преподавателя риторики Альфонса Брекхуна не прошли для меня даром – я еще мог отличить фигуру речи от вполне серьезных угроз. Или это все-таки не фигура речи?..

– Ну, ты! – проревел один из охранителей и протянул к Ваакхмериту лапу, намереваясь отодвинуть его с дороги и наконец добраться до меня...

Я и глазом не успел моргнуть, увидел только, как дернулась мышца на широченной спине демона – охранитель взмыл в воздух и врезался бронированной башкой в пото-

лок. Со вторым истребитель вступил в короткую рукопашную схватку – пнул его ногой в живот, ударил в челюсть, снова в живот, два раза в лоб, ребром ладони по горлу. Затем схватил поперек туловища, гикнув, бросил вниз и, упав на колено, опустил тяжелый кулак на грудь охранителя, так что тот шумно выдохнул воздух и затих.

Ваакхмерит не медля принялся зарывать поверженных врагов в песок. Прodelывал он все с невероятной скоростью. Думаю, из него получился бы отличный могильщик, но доносить до демона свежую идею я на всякий случай не стал – обидится, чего доброго. На том месте, где еще недавно лежали охранители, вскоре высилось два белых кургана...

– Так-то! – сказал Ваакхмерит, вскинул вверх огромные лапы и опять пропал, словно его и не было.

– Эй-эй, а как же мое желание?! – вскричал я. – Как насчет того, чтобы доставить меня на поверхность?! – Но истребителя и след простыл.

«Вот она, демоническая благодарность», – подумал я и сплюнул в песок. Плевок получился кровавым – толстые охранители, отбирая меня друг у друга, расквасили мне губы и несколько раз приложили по носу.

Я сполз по стене и на некоторое время затих, погрузившись в тяжкие раздумья.

После всего происшедшего у меня стало складываться смутное ощущение, что в Нижних Пределах по какой-то необъяснимой причине творится совершеннейший бардак.

Демоны гоняются друг за другом, исчезают, когда захотят, и появляются тоже совершенно неожиданно, дубасят охранителей, которых, может быть, тут поставили по серьезному делу. Да и вообще – они народ служивый, какой с них спрос, хотя и мерзкие сволочи, конечно. К тому же все вокруг грязно ругаются, орут, пьют, играют в азартные игры, творят непристойности и, как я успел заметить, страдают крайней степенью идиотизма. В общем, ведут себя обитатели Нижних Пределов вовсе не так, как полагается вести себя порядочным силам тьмы, а как рядовые обыватели из Внешнего мира.

Я покачал головой, осознав вдруг, что ничто в мире не может быть эталоном определенного рода – любой порядок, если только приглядеться к нему повнимательнее, на деле – хаотичное скопление самых несоединяемых вещей и их качественной сути. Вот и Нижние Пределы, бог их побери, оказались вовсе не средоточием вселенского зла, как можно было ожидать, а настоящей кашей из разрозненных составляющих. Мне вдруг пришло на ум, что, возможно, и Нижние Пределы, и Внешний мир были созданы одним Творцом. И было у него, судя по всему, в голове не так много серого вещества. Или в тот период времени, когда он ваял Вселенную из звездной глины и межгалактических экскрементов, у него в погребке все еще оставалось слишком много светлого эля и соображать ясно он попросту не мог. Потому и сотворил нечто невообразимо хаотичное – Нижние Пределы, Внеш-

ний мир, Небеса (если они, конечно, есть) и женщин...

Продолжая размышлять о несовершенстве мироустройства, я подошел к карлику. Куксоил пребывал в блаженной бессознательности – чему-то сладко улыбался, пускал желтые слюни и нежно посапывал, шмыгая длинным носом. Я решил, что, пожалуй, не стоит его беспокоить. Пусть полежит, отдохнет, наберется сил. Меня порядком утомила его непонятливость. Впрочем, была у меня и другая, надо сказать, весьма значительная причина оказаться от карлика как можно дальше. Сам я после длительного заключения отнюдь не благоухал аки розовый куст и вполне отдавал себе в этом отчет, но Куксоил вонял так, что временами рядом с ним мне казалось, будто я совсем не могу дышать и сейчас попросту задохнусь. Поэтому я мысленно попрощался с маленьким горбатым вонючкой и отправился в обратный путь по подземным коридорам, намереваясь отыскать в одной из ближайших пещер что-нибудь или кого-нибудь, кто поможет мне выбраться на поверхность.

Раз Нижние Пределы сильно напоминают Внешний мир, значит, и существа, обитающие здесь, не могут все сплошь быть мерзкими тварями, служителями вселенского зла и жестокими колдунами, коллекционирующими бессмертные души, – встречаются среди них и вполне безобидные создания. Взять хотя бы Куксоила – он совсем не тянет на воплощение вселенского зла. Да и демонический пес Гырга при всех своих явных недостатках показался мне довольно предска-

зубомой и простой зверюгой – как он славно крутил длинным хвостом и шлепал им себя по круглым бокам, когда я подкармливал его зловонной жижей и лелеял планы спасения...

Путешествие явно затянулось. Я все блуждал и блуждал по подземным коридорам и вовсе не был уверен, что не хожу по кругу – вполне возможно, вскоре передо мной опять окажется пещера с курганами охранителей.

Несколько раз, когда ощущал, что силы меня окончательно оставили, я ложился на горячий песок и забывался тревожным, коротким сном. Меня будил невозможный жар. Тогда я вставал и отправлялся дальше. Надо было идти вперед, если я хотел остаться в живых.

Тишина в отсутствии зловонного карлика опять стала мне досаждать: она давила на уши, обманывала слух, ее гулкая, всасывающая сознание глубина сводила с ума, делала разум таким же пустым, как она сама. Вскоре я понял, что говорю сам с собой, точнее, бормочу что-то себе под нос. Вот тогда я действительно пожалел, что не взял с собой Куксоила. Своими причитаниями (даже шмыганьем носом) он не давал мне окончательно сойти с ума в абсолютном безмолвии этого пустынного круга. Участь моя вдруг стала для меня очевидной. Скорее всего, к тому моменту, когда голод окончательно убьет меня, я утрачу последние крупички разума. Мне будет, возможно, казаться, что я не один, а меня много – целая армия Дартов Вейньетов вышагивает по подземным ла-

биринтам Нижних Пределов. А может, мне покажется, что я вовсе уже не в царстве зла, а в столице Центрального королевства – Мэндоме. Я увижу учебный класс, обеденную залу, фехтовальные чучела на заднем дворе, встречу и поцелую Грету, дочку герцогини Гадсмита... А сам в это время буду умирать, лежа в раскаленном песке.

– ...в раскаленном песке. – Эхо донесло до меня последние слова, и я понял, что снова говорю вслух...

– О боже! – крикнул я, и эхо снова откликнулось: – «Боже... оже... же». А потом проговорило вдруг нечто несусветное, какую-то тарабарщину, хотя я мог поклясться, что не открывал рта...

А через мгновение опять в звенящей тишине прозвучал отклик эха. «Овь... Ова... Овь... Ова...». Но я же молчал! Я стал прыгать и трясти головой в надежде прогнать наваждение. Но оно вовсе не собиралось меня покидать, а продолжало мучить отрывистыми отзвуками моего голоса. Моего голоса?! Я замер, потому что понял вдруг, что слова, приносимые эхом, принадлежат вовсе не мне. Говорил кто-то другой. У неизвестного был приятный, хотя и порывающийся довольно зловеще, баритон.

«Вот черт! Здесь кто-то есть! Я нашел кого-то».

Я поспешил на голос, не задумываясь о том, что, может быть, впереди опасность еще большая, чем охранители.

Через пятьдесят шагов я выбрался к пещере, в которой кто-то громко выкрикивал обрывки фраз и даже целые пред-

ложения. Стоило лишь повернуть за угол – и я оказался бы с шумным незнакомцем лицом к лицу. Я решил не торопить события и остановился, прислушиваясь к звуку его голоса и стараясь определить, что именно он говорит...

Поначалу я просто не поверил собственной удаче. Для Нижних Пределов незнакомец был самым нетипичным существом – он сочинял стихи! Слагал вслух целые поэтические строфы и замолкал на некоторое время, чтобы их записать, – я слышал, как он водит пером по бумаге. Сладостный этот скрип напомнил мне занятия нашего придворного поэта Андерия Стишеплета в учебном классе фамильного замка.

Я подкрался ближе и выглянул из-за очередного каменистого выступа. К своему удивлению, я увидел, что это вовсе не человек с изящной внешностью пиита, а здоровенный демон ростом в два с лишним метра. Он ходил по пещере и громогласно выкрикивал:

Вот я чужие снова поджигаю...

Вот я чужие снова...

Вот снова я чужие поджигаю писи...

Тут он рухнул возле стены, расплескав в белый песок чернила. Падение произошло настолько стремительно, что мне показалось, будто он потерял сознание. На деле же демон просто собирался записать очередную удачную строку. Перо в крепкой лапе пришло в движение и что-то быстро застрожило по бумаге. Он замер ненадолго, наморщил складчатый

люб, затем снова принялся писать. Творческий процесс явно затянулся, он все царапал и царапал буквы, вычеркивал и снова вписывал что-то, потом поднялся на ноги и опять зашагал туда-обратно, выкрикивая на ходу:

*Вот снова я чужие поджигаю писи,
кричит несчастных вымученный хор,
слагаю из страданий я изысканный узор,
из поп, из спин, ушей, из потных лысин.
Жесток я очень, очень я хитер...*

– О да!!! – возопил демон-поэт и принялся прыгать к потолку, размахивая увесистыми кулаками. – О да, о да, о да! Я велик. ВЕЛИК!!! Я – настоящий поэт.

Тут он замер и уставился на мою торчавшую в проходе физиономию – пораженный диковинным зрелищем, я совершенно забыл про осторожность. Демон оскалил пасть в кошмарной гримасе и ткнул в меня пальцем:

– Эй ты, а ну сюда шагами путь измерь, посмотрим что за зверь ты... а может, и не зверь?

Поскольку я испугался и не двинулся с места, он проговорил:

– Сюда шагами путь, сказал, скорей измерь, посмотрим, одноглаз, что затаил ты на уме...

Одноглаз. Я скрипнул зубами от ярости и тут же нашелся:
– И ничего я не таю ни на уме, ни где-нибудь еще, я просто очень был стихами восхищен.

– Вот как? – обрадовался демон и улыбнулся во всю пасть. – Так ты и слагать их мастер, как я погляжу. А ну иди сюда, сюда иди, говорю... Да не бойся, не обижу!

Бежать было бесполезно, здоровенный и не в меру зубастый поэт конечно же быстро настиг бы меня, поэтому я нехотя вышел из прилегающего к пещере подземного коридора и остановился. Подходить ближе я опасался – неизвестно чего ждать от этого любителя поэзии. Судя по его стихам, вряд ли что-нибудь хорошее. Я содрогнулся, представив, как он осуществляет на практике первую строку своего недавнего творения. По всей видимости, у него богатый опыт в такого рода делах. Все поэты немного не в себе...

– Ты что, одноглазый, делаешь в охранительном чертоге? – поинтересовался демон и нахмурился.

– Не знаю, – честно ответил я, – свалился сюда. Так получилось.

– Понятно. – Поэт внимательно разглядывал меня. – И долго ты там торчал, слушал?

– Не очень, – уклончиво ответил я.

– Но ты ведь много всего услышал, не так ли?

– Ну да, порядком... порядком... – Я покивал. Демон необычайно разволновался, скрестил пальцы и принялся ими шелкать.

– Ну и что тебе понравилось особенно?! – выкрикнул он.

– Да вот этот момент про поджигание пись – очень зримо и образно, – изобразив крайнюю степень восхищения, отве-

тил я, потому что по опыту общения с придворным поэтом Андерием Стишеплетом знал, как важна в разговоре с пиитами быстрая реакция и восхищенные интонации.

Если кто-нибудь имел неосторожность нелицеприятно отозваться о его поэтических строфах, Андерий немедленно отправлялся в алхимическую лабораторию – растирать в ступке травы, ягоды и смешивать порошки в буроватую кашу, чтобы впоследствии отравить несчастного критикунчика. Разумеется, через пару дней он успокаивался, гнев его проходил, сменяясь обычным благожелательным настроением, и придворный поэт даже испытывал угрызения совести – все же Стишеплет был натурой творческой и незлобивой, но к тому моменту бедолаге-критику уже сколачивали букочный гроб...

– Почему же образно? – обиделся демон. – Это реализм. Все правда, от первого до последнего слова...

– Да, – ужаснулся я, – тогда тем более – момент очень удачен. – Я стал припоминать уроки риторики Альфонса Брекхуна. – Реалистическая цельность, верность основам стихосложения, так сказать, умение подмечать детали, редкостная по силе изобразительность, ну, в общем, потрясающе... просто потрясающе... добавить мне решительно нечего...

– Да. – Демон с самым мечтательным видом уставился в потолок. – Мне тоже показалось, что это – сильная находка. – Он вдруг хлопнул меня тяжелой лапой по плечу. – А я смотрю, ты отлично разбираешься в поэзии, точнее сказать

– чувствуешь поэзию. – Тут он перешел на вкрадчивый, доверительный шепот. – Скажу тебе по секрету: здесь, в Нижних Пределах, нет никого, кто хотя бы немного интересовался стихами... Был тут один колдун, делал вид, что его интересуют заклинательные вирши, мерза-а-авец, но, когда я читал ему второй том бессмертной поэмы «Живые души», этот негодяй уснул. Только представь себе! Уснул!!! Тогда я понял, что поэма не удалась, ну и сжег ее... м-да... – Демон задумчиво поскреб тяжелый подбородок. – Ну и колдуна сжег, конечно, тоже... Разумеется, разбудил его сначала, попытал немного, а потом сжег. Вспыльчивый я немного...

– Я тоже, – откликнулся я, потирая ушибленное плечо, куда он опустил свою массивную лапу.

– А вот это ты зря, брат, – сказал демон и ткнул меня пальцем в солнечное сплетение, так что я зашелся в кашле, – эмоции надо контролировать, ведь они – часть нас самих, часть нашего «я», если разбазаривать их направо и налево, так ничего от нашего «я» и не останется. Когда-нибудь думал об этом?

Вопрос был несколько неожиданный, но я и здесь не растерялся. Спасибо Альфонсу Брекхуну – он научил меня чувствовать себя уверенно в любых ситуациях, связанных с общением.

– Разбазаривание собственного «я» – актуализированный и принципиально важный вопрос для каждого, кто привык считать себя интеллектуалом. Скажу вам конфиденциально:

я ни о чем больше и думать не могу в последнее время, как только о собственном «я» и его разбазаривании. Но, признаться, это очень сложная и запутанная тема для того, чтобы говорить о ней столь общо. Мне не хотелось бы вступать в поверхностную и беспредметную полемику. Ведь полемический ракурс дискуссии есть не что иное, как внедрение деструктивного элемента в самую ткань архетипа проблемы разбазаривания собственного «я». Вы не находите?

Помнится, в такой манере я частенько общался со своими братьями, чтобы их разозлить. Моя манера изъясняться витиевато их всерьез раздражала и всегда становилась причиной наших ссор и даже драк. Почему-то они считали, что я издеваюсь над ними. Возможно, братья думали так потому, что уроки Альфонса Брекхуна для них оказались слишком сложными. Я был единственным, кто усвоил риторическую науку на высшем уровне и даже получил от Альфонса Брекхуна бумагу о присвоении мне звания магистра риторики.

Однако во всем важна мера. Я подумал, что в общении с демоном, возможно, переборщил с патетикой и сейчас любитель поэзии, обидевшись, меня слопает. По крайней мере, морда у него стала самая свирепая. Но оказалось, что испытывает он не ярость, а некоторую озадаченность.

Должно быть, смысл моих последних слов до него не совсем дошел. Я явно переоценил его интеллектуальный потенциал.

Он надолго замолчал, потом попросил меня повторить то,

что я только что сказал. Я удовлетворил его просьбу, немного поменяв слова местами. Он снова застыл, глядя в потолок, и, кажется, что-то смекал, потом морда его просветлела – понял.

– Ты прав, ты прав! – Любитель поэзии опять хлопнул меня по плечу, и мне показалось, что моя единственная левая рука совсем отнялась, я решил, что в следующий раз непременно дам ему сдачи – и будь что будет... – Поверхностно об этом нельзя... – заметил он. – А давай-ка знаешь что, – тут он немного разволновался, его новое состояние выразилось в диком зубовном скрежете и почесывании левой ягодицы, – раз у нас с тобой такая счастливая встреча произошла, я тебе немного почитаю!

Возражать я не решился – слишком свежи были мои воспоминания о маниакальном отравителе Андрии Стишеплете, а только вяло кивнул и приготовился внимать.

Поэт между тем не собирался радовать меня своими нетленками тотчас, он просиял, ухватил меня поперек туловища, взвалил на плечо и ринулся с бешеной скоростью по подземному коридору.

– Эй! – только и успел вскрикнуть я. – Куда это мы?

– Читать! – проревел демон.

Несся он так, что я только и успевал замечать, как мелькают каменистые выступы стен и провалы ответвлений подземного хода. Затем общий цвет сменился на успевший сделаться за время моего заключения привычным коричнево-крас-

ный, а песок из белого стал терракотовым. Я понял, что мы прибыли в более густонаселенный круг Нижних Пределов. Отсюда у меня было гораздо больше шансов выбраться на поверхность, но и намного больше возможностей попасть в лапы Заклинателя. Я выругался про себя.

– Кстати, я не представился, – заорал демон на ходу, так что я вздрогнул, – меня зовут Данте... Данте Алигьери...

– Как-как? – переспросил я – имя показалось мне смутно знакомым.

– Данте Алигьери, – проорал он, стараясь перекрыть поток встречного ветра, – а тебя как зовут? Или ты предпочитаешь, чтобы я тебя называл просто – одноглаз?

– Не надо, – попросил я, вспомнив поэтическую строку, которой он меня поприветствовал, – предпочитаю, чтобы меня звали настоящим именем – Дарт Вейнъет.

– Ах так, Дарт Вейнъет, ну что же, рад знакомству, – выкрикнул Данте и внезапно прервал бег, видимо, мы прибыли на место...

Демон поставил меня на песок, и я покачнулся, потому что голова у меня снова сильно закружилась – то ли от голода, то ли от переживаний последнего времени. Некоторое время я ошалело крутил башкой, стараясь прийти в себя, потом нормальное мироощущение возобновилось, и я смог осмотреться.

Мы оказались в довольно уютной маленькой пещерке, оформленной со вкусом. Правда, жутчайший беспорядок

несколько портил картину, но его можно было списать на широту творческой натуры хозяина – ему просто некогда было заниматься столь прозаическим делом, как уборка. Зато к вещам, создающим уют в жилище, он явно благоволил. Пол устлали мягкие ковры. Стены прикрывали огнеупорные ткани, отливающие металлом, правда, частично они были сорваны. Поверх тканей висело несколько написанных широкими мазками довольно оригинальных картин. Две из них покосились, а третья и вовсе валялась на полу. Полотна отображали разнообразные пытки. Несчастные жертвы палачей-демонов застыли, в ужасе распахнув беззубые рты, они плевали кровью и, судя по всему, испытывали не самые счастливые в жизни минуты. Неизвестный художник запечатлел сцены адской жизни с точностью в деталях и явным упоением... Я невольно содрогнулся и покосился на демона-поэта. Он копался в железном сундуке, выгребая оттуда исписанные крупным почерком бумажки.

– Извини, жрать совсем ничего нет, – обернулся ко мне демон, – этот бездельник Куксоил куда-то запропастился, так что мне сегодня утром даже пришлось добывать пищу самостоятельно, – Данте поковырялся в зубах длинным когтем. – Ну попадись он мне только! Выбью из него лень навсегда. Другие небось жрут от пуза, а несчастному поэту – фиг с маслом. Наверное, решил, что тот, кто сочиняет стихи, не может быть опасен. Заблуждение. – Данте скрипнул зубами. – О, какое заблуждение! Но ты, наверное, только и ждешь, когда

мы приступим к чтению?

– Конечно, – подтвердил я, продолжая осматриваться. Демон истолковал мой взгляд по-своему:

– Наверное, ищешь, нет ли чего-нибудь выпить, чтобы разгоряченное нутро могло размягчиться и лучше внимать моим словам? Так?

Я поспешно закивал, потому что после всего пережитого сильно нуждался в выпивке. Собственно, я всегда в ней нуждался, еще со времен своей бурной молодости, но вот случай промочить горло в последнее время представлялся крайне редко. Заклинатель меня не баловал, отъявленный мерзавец. И вот вам пожалуйста, при отсутствии пенного с хмелевой горечью, как я и говорил, у меня начинает развиваться нервное расстройство.

– Меня бы устроил светлый эль, – сказал я.

– Меня бы тоже. – Он хлопнул себя по ляжкам. – Эх, я как будто знал, что встречу кого-то вроде тебя. А потому кое-что припас...

Демон метнулся в угол и принялся разбрасывать песок, какие-то тряпки, камни, куски дерева, потом извлек на свет пузатую бочку литров на сорок. Бугры мышц проступили на толстых руках поэта, когда он поднял ее, перенес и осторожно поставил передо мной.

– Вот, – сказал Данте, – прямо сейчас угостимся или сначала чтение?

– Лучше бы, конечно, перед чтением размягчить нутро, –

заметил я, запомнив его слова.

– Ты понимаешь меня, как никто, – заявил демон, извлекая откуда-то деревянную кружку. – Кружка только одна, поэтому придется пить по очереди. Ты не возражаешь?

– Конечно нет, – ответил я, – мне приходилось пить по очереди прямо из бочонка.

– Ну вот и отлично! – Данте потянул на себя пробку, и она с хлопком выскочила – светлый эль полился в кружку... Поэт наполнил ее до самого верха.

– Чур я первый, – сказал он, приложился к краю и некоторое время чмокал, прихлебывая эль, потом передал кружку мне.

Я заглянул внутрь и увидел дно.

– Эй, здесь ничего нет, – разочарованно сказал я.

– Как нет?! – удивился Данте, выдернул кружку у меня из рук и заглянул в нее. – Действительно нет, – проговорил он после короткой паузы, – но это ничего, это я увлекся, сейчас мы наполним ее снова.

Демон выдернул пробку и заткнул ее только тогда, когда пена полилась через край.

– Чур я первый, – сказал он. Мне показалось, что я ослышался.

– Погоди-ка, – выдавил я, – мне показалось, что ты в прошлый раз был первым, и я видел, чем это закончилось, нет уж, давай-ка теперь первым буду я.

– Конечно, – дружище, это я тебя просто разыграл, – рас-

хохотался Данте и хлопнул меня по спине так, что мне показалось, будто у меня хребет переломился. – Ну как тебе мои шутки?

Он засмеялся, запрокидывая голову и демонстрируя огромные зубы, напоминавшие зубья двуручной пилы. Я поддержал его, посмеиваясь и не забывая отхлебывать светлый эль.

– Теперь твой глоток, ха-ха-ха, – сказал я, передавая ему кружку.

Демон радостно приложился к ней, потом перевернул ее кверху дном, но из кружки не вылилось даже капли – она была абсолютно пуста. Морда Данте отразила крайнее недоумение.

– Разыграл, – пояснил я и тоже хлопнул его по спине, постаравшись вложить в удар всю имеющуюся у меня силу.

Однако демон почти не заметил этого. Выражение его морды оставалось таким растерянным, что я уже начал опасаться, не совершил ли серьезной промашки, когда решил разыграть демона в ответ. Но тут он захохотал во всю глотку, так что я едва не оглох, и заявил:

– Вижу, тебе палец в рот не клади – оттяпаешь по самое предплечье.

– Это точно, – подтвердил я, – есть у меня такое полезное качество.

Данте вдруг вскочил с места, ринулся куда-то и притащил пузатую стеклянную кружку с написанным на ней пожелани-

ем «Дай Черный Властелин счастья».

– Моя любимая, – пояснил демон и вручил ее мне, – на, будешь пить из нее, раз ты такой отличный шутник и любитель поэзии...

Уже через полчаса почти безостановочного употребления светлого эля я почувствовал, что нутро мое в достаточной степени размягчилось и я готов прослушать все вирши поэта, насколько бы «зверскими» они ни были.

– Данте, только спокойнее, – сказал я.

Я взмахнул рукой, пещера скользнула куда-то в сторону, закачалась, а потом снова приняла горизонтальное положение.

– А я спокоен, – откликнулся демон.

– Эй, да это я не тебе, это я стенам, они, знаешь ли, немного шатаются из стороны в сторону...

– Это ничего, это пройдет, – успокоил меня демон, – эль... кхм... крепковат.

Он уже копался в куче бумажек, раскладывая их вокруг себя, воодушевление читалось в каждом его движении, и я пришел к мысли, что дело это, должно быть, затянется надолго. Наконец демон завершил приготовления, схватил исписанный убористым почерком листок и продекламировал:

– Лаская взор, горит пучина, и в ней горят они, оне...

– Так, так, так. – Я подпер подбородок кулаком и приготовился слушать.

Удивительные строки лились из Данте как из рога изобилия. Он, вне всяких сомнений, был поэтом по рождению, настоящим поэтом из тех, что просто не могут не писать. И даже если все окружающие в голос твердят им: «Не пиши, не пиши, не пиши» – они не обращают на этот хор голосов никакого внимания, продолжая пачкать бумагу все новыми и новыми «величайшими произведениями искусства». Он все читал и читал, отбрасывая листки, хватаясь за новые, он декламировал страстно и искренне. Фантазия у него была богатой, а тексты довольно неровными, словно их написал не один, а несколько авторов. Впрочем, судя по стихам, Алигьери постоянно находился под влиянием тех или иных поэтов Внешнего мира. И где только он сумел познакомиться с их творчеством? Наверное, ему переписывали по памяти разные произведения похищенные книжники, которые уже не надеялись вернуться на поверхность.

Некоторые стихи Данте очень легко запоминались. Мне запало несколько мастерских строф. Вот они:

*Я помню чудные мгновенья:
Передо мной являлись вы,
Как мимолетные виденья,
Без рук, без ног, без головы...*

Или:

Выхожу один я из пещеры,

*И сквозь мрак мой скорбный глаз блестит,
Тихо все. Но сильно пахнет серой,
«Ты – палач!» – мне грешник говорит.*

Еще запомнилось не слишком профессиональное, зато очень проникновенное:

*Гой, Пределы вы родные,
Мира пун, а может, зад,
Не видать конца и края —
Лишь огонь сосет глаза.*

Что ни говорите, а подобные строки могут сильно расширить восприятие и даже свести с ума, особенно если ваше сознание совсем недавно было на грани того, чтобы покинуть вас навсегда. Мир мой потихоньку стал наполняться вопящими грешниками, людьми без лиц, демонами, колдунами, Нижние Пределы представляли передо мной во всей своей «необъятной красе» и «бесконечности яростного прекрасия». Это я цитирую отдельные строки «гения»...

Наконец гора бумажек, которыми обложился демон, заметно уменьшилась. Вскоре он уже копался вокруг, с трудом стараясь найти нечто такое, чего я еще не слышал. Хвала Спасителю Севе Стиану, такого осталось мало. Мы сидели с демоном несколько долгих часов, и я уже успел порядком протрезветь.

– Ну ладно, – проговорил наконец Данте, – думаю, на се-

годня хватит. Ну и что тебе понравилось больше всего? Может, вот это... – он продекламировал строфу о грешниках, которые «все кричат, кричат, кричат – исправляться не хотят».

– О да, – ответил я, – очень удачное стихотворение. Особенно мне понравилось...

– Что, что понравилось? – Он подался вперед. Такое внимание к моему мнению не могло не польстить мне. Я улыбнулся и сказал:

– Ритмика стиха понравилась, его музыкальность. А еще использование оригинальных лексических приемов.

– Чего, правда, что ли? – отшатнулся Данте. Казалось, он поражен до глубины души – желтые глаза напоминали два бронзовых блюдца, он перешел на шепот: – Так я чего, гений, что ли, да?

– Ну, – качнул я головой, – думаю, гений. Да, несомненно, гений.

– Я – гений! – Демон заворуженно уставился куда-то вдаль. – Я – гений, – повторил он, схватил меня за плечи и заговорил скороговоркой: – я так и знал... так и знал, что когда-то найдется кто-то, кто все это сможет оценить, сможет понять меня. Тут нужен был кто-то, у кого душа поэта, кто-то, у кого натура такая же тонкая, как у меня, тонкая и нежная, как свежесодранная с мученика шкурка.

Сравнение меня несколько покорило, к тому же, продолжая горячо шептать мне в лицо, демон мял меня так,

словно я был не живым человеком, а кем-то бесплотным, кто мог бы вынести любые мучения.

– Данте... – выдавил я.

– Да? – отозвался он, пребывая в мире грез.

– Не мог бы ты отпустить мои плечи, а то ты мне, похоже, все кости переломал.

– Ой, да, конечно! – Он испуганно отпрянул. – Извини, я несколько увлекся. Ты внушил мне такое вдохновенное состояние. Теперь я буду писать, писать много. Теперь-то я точно знаю, что должен работать. И что поэзия – мое предназначение, – он вздохнул, – хотя здесь все считают меня ненормальным...

– Я понимаю, – кивнул я, потому что действительно понимал – достаточно было знать Андерия Стишеплета, чтобы понять, какие поэты психованные существа...

Раз Андерий влез на самую высокую башню Мэндома и, держась за шпиль, выкрикивал стихи. Слова летели над ночным городом до той поры пока не пришел отряд стражников и не снял придворного поэта с верхотуры. Под руки его тащили к королевскому дворцу, а он все кричал: «Палачи, са-трапы, искусство вам не задушить». И чего, дурак, полез на башню? Вроде бы искусство никто душить и не собирался. Тогда Андерия спасло только то, что король ценил его творения, прославлявшие его силу и справедливость...

– Ты понимаешь?! – Данте так обрадовался, что собирался снова схватить меня за плечи, но я поднял указательный

палец и выкрикнул:

– Стоп!

– Ну стоп так стоп, – благодушно сказал демон. – Скажи-ка мне, дружище, что я могу для тебя сделать?

– О, ну я даже не знаю... – Я замялся – как-то неудобно было вот так с ходу просить его перенести меня во Внешний мир – еще решит, что я только и думаю, как бы убраться подальше от него и его поэтических строчек. И все же я набрался смелости и спросил: – Ты не мог бы перенести меня во Внешний мир?

– Во Внешний мир? – озадачился Данте. – Зачем это тебе?

– Хочу увидеть солнце, – я почувствовал, что глаз мой наполняется слезами, – травку зеленую...

– Эй-эй! – Данте замахал руками. – Ты чего это расстроился? Знаешь, во Внешний мир я тебя отправить не могу...

– Не можешь? – Я скорбно уронил голову. – Значит, все, значит, мне конец...

– Зато я могу забросить тебя в любое место в Нижних Пределах, – обнадежил меня демон, – в лю-бо-е!

– Исключено, – отрезал я.

– Но почему, тебе тут понравится! – кинулся Данте убеждать меня, наверное, ему уже представлялось, как он каждый день декламирует мне свои творения, а я потом их нахваляю. – Ты сам увидишь, как тут хорошо. Сейчас я тебе покажу. У меня тут есть одна штука, она может любое место в Нижних Пределах показывать. Вот такая вещь, между про-

чим...

– Покажешь? – заинтересовался я. – Давай, очень интересно было бы посмотреть.

– Где же оно у меня было? – Демон-поэт заметался по пещере, он принялся разгребать какую-то рухлядь в углу, откидывал ковры и даже копался в песке. Мне показалось, что под одним из ковров у него скрывается обглоданный труп какой-то девицы, но он так быстро прикрыл чудовищную картинку, что видел я тело девицы на самом деле или мне только показалось – я бы не смог поручиться. К тому же разум в последнее время отказывался мне подчиняться, так что я списал все увиденное на очередную оплошность ушибленного мозга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.